

Энни Вилкс

18+

**ИСТИННАЯ.
ПЕРЕРОЖДЕНИЕ
ВТОРОЙ ШАНС ДЛЯ
ТЕМНОГО МАГА**

Энни Вилкс

Истинная. Перерождение.

Второй шанс для темного мага

<https://litres.ru/73298362>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня ищет самый сильный темный маг континента.

Не понимаю, зачем ему понадобилась я - обычная слабая целительница, но говорят, с помощью таких маяков находят врагов.

Никто не рискнет переходить дорогу главе магического ордена, а значит, и укрывать меня.

Он разрушил Обитель, в которой я жила, излечивая больных. Мне стоит ненавидеть его, но не получается. Слишком много противоречий в том, что меня окружает.

Я чувствую: он меня не отпустит. Значит, нужно бежать.

Но так ли чист мой мир? И так ли плох мой темный спаситель?

Входит в ЦИКЛ НЕЗАВИСИМЫХ ИСТОРИЙ "Хроники Альвиара".

(продолжение истории персонажей "Сделки"; через 40 лет после "Змеиноного креста")

- темный маг, нашедший свою любимую после веков ожидания
- целительница, выросшая в светлом культе
- второй шанс (перерождение героини)

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Содержание

1. ПРАЗДНИК	5
2. ГЛАВА ОБИТЕЛИ ОТВЕРГНУТЫХ	11
Глава	18
Глава	29
Глава	47
7. ГЛУХОТА	53
8. ОТВЕРЖЕНИЕ	57
9. «ЭТО ТЫ!»	60
10. ЧУДЕСНЫЙ СОН	68
11. ИЛЛЮЗИЯ	78
12. «ВЫ УНИЧТОЖИЛИ МОЙ МИР»	90
13. ОТСТУПНИКИ	97
14. ИЛОВИРИС	106
15. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОБИТЕЛЬ	111
16. ОНА УПРАВЛЯЕТ НАМИ	118
17. ДРУЗЬЯ. СОСУДЫ	130
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Истинная. Перерождение.

Второй шанс для темного мага

1. ПРАЗДНИК

Ничто не предвещало беды.

Я впервые ступила на главную площадь Цветочной долины под плясовую мелодию бубнов, цимбал, лютни и волюнок, а со вторым моим шагом в воздух взвились сотни бумажных фонариков. Огоньки заполнили чудесный летний вечер мягким рыжим светом, а люди воздели руки вверх в едином радостном порыве, празднуя смену лет.

Завороженная, я смотрела, как цепочки огненных лепестков поднимались ввысь, покачиваясь на волнах пульсирующего магического ветра. Вся площадь была украшена гирляндами и полосами ткани, переплетенными светлячками.

Никто здесь не боялся ни огня, ни магии. Совсем не как в моей родной деревне.

Воздух дышал чудом.

– Лариана! Наши собираются у воды! – крикнул Маррал, один из моих подопечных. – Идешь?

Кто-то бросил в меня горсть конфетти, разноцветные ку-

сочки резаной бумаги тут же запутались в моих распущенных волосах, и я рассмеялась.

Женщины крутились, подхватывая пышные юбки, а мужчины ловили их за талии и поднимали над собой, потом сцепляли руки и бежали, пританцовывая и целуясь, в общую хохочущую шеренгу. Я отступила к башне, уворачиваясь от попытавшегося вовлечь меня в танец молодого парня, и прижалась к кладке спиной. Камень приятно охлаждал разгоряченную кожу. Я на миг только прикрыла веки, погружаясь в одуряющую атмосферу общего счастья, и...

Сквозь почти сомкнутые ресницы увидела этого мужчину.

Он стоял в центре площади, прямо посреди беснующихся пар.

Высокая, статная фигура, строгая, собранная, черная, чуждая творящемуся вокруг веселью. Длинные волосы цвета приглушенной темной меди, в которых вились несколько пепельных прядей, свободно спадали на спину. Простой темно-серый камзол без деталей. Пространство дрожало вокруг него – незнакомец несомненно был сильным магом. Мужчина стоял ко мне спиной, и я не видела лица, но почему-то он показался мне смутно знакомым – и невероятно опасным, аж сердце ухнуло вниз, а внутри забился какой-то необычный, выбивающий дух восторг.

«Всегда доверяй своей интуиции, Лариана», – вспомнила я слова Теа.

Мне хотелось, чтобы он обернулся – и было страшно увидеть его лицо.

Я не могла отвести от него взгляд, и чем больше смотрела, тем глубже погружалась в похожее на транс состояние. Весь мир померк, съезжившись до его излучающего силу силуэта.

В руках мужчины переливалось что-то, чего я не могла разглядеть издалека, только лишь понимала, что сияние, рвущееся из его ладоней, имеет необычную, нездешнюю природу, тянущую меня к себе, как магнит тянет металл. Я двинулась вперед, словно и не разделяли нас сотни шагов и десятки танцующих людей. Желание коснуться таинственного предмета колотилось во мне набатом, я даже не успела понять, почему подчиняюсь ему – только побежала вперед, расталкивая пары, не помня себя.

И вдруг свет вспыхнул так, что я прикрыла глаза ладонью. Ощущение нереальности происходившего разбилось о крики: люди закрывали уши, спасаясь от вездесущего высокого свиста, прятали в руках лица. Захлебнулись голоса, и музыка смолкла: артисты выронили инструменты, чего никто и не заметил. Как животные, люди бросились врассыпную, лишь бы оказаться от мага как можно дальше, но гул обрушился на них – на нас всех! – сшибающей с ног волной, словно что-то взорвалось.

Когда я открыла глаза, пораженная тишиной, было темно. Свечи, факелы, огоньки, светлячки – все погасло, и только где-то в ночной вышине звездами неслись далекие фона-

рики... Я попыталась перевернуться хотя бы на бок, но не смогла, все мое тело онемело, отяжелело и будто вросло в мостовую, на которой я лежала.

Сердце рвало грудь.

Я скосила глаза, пытаюсь понять, что происходит. Все, когда мне удалось увидеть, застыли на месте. Большинство, как и я, лежали навзничь, не шевелясь, и только по испуганно бегающим глазам стало понятно, что они, как и я, в сознании, но не могут двинуться. Другие застыли в немыслимых позах: падая, посреди шага, разворачиваясь, закрываясь от магической волны.

За площадью куполом мерцал защитный контур. Я видела такие раньше – сложные заговоры творились днями, кто же мог создать подобное вмиг?! И нас нужно было защищать? Или от нас?!

– Я заберу по капле крови и освобожу вас, – раздался низкий голос, и я сразу поняла, что он принадлежит тому страшному магу. Он говорил почти шепотом, но звук разносился громче барабанного боя. – Нет нужды в панике.

– Вы не имеете права! – услышала я крик стражи из-за контура. Кажется, они бились о купол, кто-то выкрикивал заклятия. Дело было плохо: охраняли праздник очень умелые шепчущие, прекрасные воины и сильные маги, и если им не удавалось пробиться внутрь... – Если немедленно не прекратите, мы будем вынуждены отдать вас под суд!

– Не лезьте под руку, – холодно оборвал их высокий муж-

чина своим пробирающим до костей голосом. — Я сниму контур, как только закончу. Вмешаетесь — пострадаете.

Это даже не звучало угрозой. Просто оповестил.

— Отпустите их! — Голос Варраса, одного из старших наставников Обители, испугал меня, но маг не обратил на него внимания.

Я попыталась дернуться — конечно, бессмысленно. Прощептать заговор мне тоже не удалось, как бы я ни старалась. Только бессильно следила глазами за внушающей ужас фигурой: как самый могущественный шепчущий, какого я видела за свою жизнь, подходил к беспомощным, скованным непонятной магией людям, и касался светящейся иглой голой кожи. Это было так жутко, что мне показалось, будто сейчас же уколотые им умрут, но белки их глаз продолжали все так же дрожать от страха, а мужчина невозмутимо шел между ними, с чудовищной неизбежностью приближаясь к каждому.

Он двигался не как человек: намного быстрее, так, что даже казался смазанным, точно проносящаяся в небе хищная птица. В единственном оставшемся свете — лиловом сиянии защитного купола и голубом его похожем на иглу заговора, — маг выглядел как демон. Мне, наконец, удалось мельком увидеть его лицо: суровое, жесткое, с прямым носом и высокими рельефными скулами, плотно сжатыми тонкими губами. Ему было на вид около сорока лет, а это означало, что на самом деле ему сотни, если не тысячи — маги почти не

стареют.

Когда мужчина присел надо мной, я перестала дышать. Он мазнул по моему лицу своими темно-зелеными глазами, и вдруг зрачки его чуть расширились – я ощутила это даже больше, чем увидела, – и твердая линия изогнутых губ дрогнула, словно он что-то увидел во мне. Пытливый взгляд задержался на моем лице, запоминая, будто он смотрел не на черты, а глубже.

Прежде, чем поднять мою безвольную, как плоть, кисть, мужчина скользнул пальцами по моим волосам, вытягивая из них конфетти – почти нежный жест, как если бы мы были хорошо знакомы, – и мое запястье пронзила короткая боль укола.

2. ГЛАВА ОБИТЕЛИ ОТВЕРГНУТЫХ

– Я понимаю, вы напуганы. Но вам не о чем беспокоиться, – подняла руки над гудящей толпой Теа.

Повинуясь ее шепоту, потихоньку начали вспыхивать огоньки. Занялись пламенем факелы, заиграли свечи, и даже полосы ткани над площадью наполнились светлячками. Вот только осветившиеся лица были испуганными, растерянными, заплаканными.

Глава Обители отвергнутых улыбнулась музыкантам, и те неуверенно подняли свои инструменты, оглядываясь.

Здесь мою наставницу и любили, и уважали: Теа Енкхтаиван не только была именитой – то есть знатного происхождения, имеющей право на ношение фамилии и власть над безымянными, – но и главой Обители отвергнутых, которую жители этой части Империи по праву считали самым важным заведением в своих краях.

Конечно, Обители было далеко до Приюта Тайного знания – громадного и сильнейшего магического ордена континента, уже тысячелетия обучавшего своих послушников тайному языку по пятьдесят лет на фоне наших десяти, – и все же именно к Теа обращались почти все жители Желтых, да и соседних Зеленых, Коричневых и даже Синих земель, когда

требовалась помощь. Целительское направление в Обители было самым масштабным, и конечно, все, кто получал там поддержку, оставались Обители более чем лояльны.

Теа, красивая немолодая женщина со сложной прической из почти седых кос, никогда не носившая дорогого платья – только простую одежду из натуральных тканей, не смотревшая даже на нищих свысока, с ее бархатным голосом и веской манерой выражаться, почиталась местными чуть ли не как божество. Она могла бы сказать, что небо красное, а не синее – и ей бы поверили.

А сейчас Теа вступилась за таинственного темного мага, что было невероятно странно.

– Он нас поранил! – прокричала какая-то женщина не очень уверенно.

– У моего коллеги из Приюта Тайного знания сработал магический маяк, – мягко объяснила Теа. – С помощью подобных ищут, например, врагов. Если вы никогда не переходили дорогу сильным семьям шепчущих, и ваши родители не делали этого, в чем я не сомневаюсь, вам не о чем беспокоиться. Веселитесь, продолжайте праздновать смену лет. Те из вас, кто ощущают себя пострадавшими, могут обратиться ко мне или моим целителям. Сегодня мы празднуем вместе с вами.

«Приют Тайного знания», – пронеслось в толпе.

Талант к овладению тайным языком встречался крайне редко, так что отношение к магии в Желтых землях, да и во

всей Империи Рад, было двояким: с одной стороны, шепчущими восхищались, с другой – боялись собственной беспомощности перед ними. Но здесь, в Цветочной долине, Теа создала у людей иллюзию безопасности, так что ее слова невероятным образом и правда успокоили собравшихся.

Теа снова махнула музыкантам и, схватив за руки первых попавшихся людей, вовлекла их в хоровод.

Я же тихонько выскользнула с площади, пробралась узкими переулками к одному из каналов и спустилась вниз по ступеням, чтобы перевести дух в темноте и тишине – и решить, что делать дальше. По ту сторону бегущей воды целовалась какая-то парочка, но меня влюбленные не замечали, так что я постелила на каменную лестницу полосу теплого воздуха и устроилась, пытаясь унять все еще никак не успокаивавшееся сердце.

Меня тянуло к маяку. Меня. Он сработал на меня! Похожий на демона маг ищет меня, помоги мне Свет!

– Лариана, ты как? – подошел ко мне Маррал. Как он нашел меня, неужели следил? Парень присел на ступеньку рядом со мной. – Ты была на площади, когда этот ее закрыл? Что там стряслось внутри?

– Ты же слышал Теа, – отозвалась я, стараясь оставаться внешне спокойной. – Он пытается найти врагов семьи. Взял у всех нас кровь, чтобы как-то проверить.

Я потеряла запястье. На нем не осталось следа, но почему-то игла все еще ощущалась в коже. Наверно, это было

лишь самовнушением. Как и теплый след сильных пальцев на виске.

– Было очень страшно, – вздохнул парень беспокойно. – Ты не представляешь. Он поставил контур, все пытались прорваться, чем только не били. Никогда такого не видел. Даже наши! Асварт, ты же его знаешь, он уступает только самой наставнице Теа! Асварт выложился почти до обморока – и ничего. И их стража ковырялась, даже силы сплетали. И вообще ничего, как о стену! Я думал, это невозможно. А потом подошла наставница Теа, и стало еще страннее. Она посмотрела на мага, и я клянусь, Лар, она испугалась! Даже побледнела. И сказала всем перестать рваться внутрь, иначе «он вас убьет и не заметит», представляешь? Ее послушали. – Он сочувственно посмотрел на меня. – Сильно досталось? Ты что такая смурная?

Я посмотрела на него выразительно. Похоже, парень понял: глаза его округлились. Он охнул:

– Думаешь, это ты? Этот темный ищет тебя?!

– Все может быть, – мрачно ответила я, подбирая колени к груди. – Помнишь, ты рассказал мне историю своей семьи, а я тебе – своей? Что меня воспитали тетя с дядей, потому что папу с мамой казнили за предательство герцога Дариса Верониона? Они меня тогда отослали, а сами отбивались, хотя за ними пошли шепчущие. И кого-то из одаренных они даже... ну, ты понял. Если этот маг – его родственник и ищет, кому отомстить, мне конец.

– Твоих родителей потом оправдали, герцог Дарис признал свою вину, дяде и тете дом подарили, – неуверенно протянул парень. – С чего бы мстить?

– Все может быть, Мар, – повторила я, решив даже верно-му другу не говорить, как меня потянуло к маяку. Я бы легко доверила Марралу свою жизнь, но не нужно было ему знать ничего больше, чем он уже знал – для его же безопасности. Ведь если этот жуткий шепчущий пойдет по моим следам... По загровку побежали мурашки. Если кто-то вроде него решил меня убить – мне однозначно конец, да.

– Дерьмово, – лег на ступеньку Маррал. – Что будем делать? Давай наставнице Теа скажем? Она в тебе души не чает. Не даст тебя забрать, даже если это ты.

– Она назвала его коллегой. Теа ведь раньше наставляла в Приюте, все это знают. Меня она знает двенадцать лет, а его сколько? Двести?

Я уже решила: ничего Теа не скажу, но держаться к ней буду как можно ближе. Может, если это чудовище придет по мою душу, она его успокоит... Скажет, что ни в чем я не виновата. Честно говоря, разве виноваты были и мои родители, что защищались от пришедшего за ними палача? Что не хотели умирать без вины?

– Больше, – прошелестел над водой голос нашей старшей наставницы.

Я тут же вскочила, а за мной поспешно поднялся Мар.

– А сколько? – наивно поинтересовался парень, но увидев

мой взгляд, потупился.

– Почти четыре сотни лет, мальчик, – не стала игнорировать его вопрос Теа. Свет! Сколько же тогда должно быть этому человеку!.. – Но ты прав. Я на многое готова, чтобы не дать ему навредить никому из наших. Не думаю, что тебе нужно бояться, Лариана, – обратилась она уже ко мне. – Келлфер вряд ли причинит тебе вред.

– Это был Келлфер?! – охнул Маррал. – Тот самый? Который сейчас рулит Приютом? Которого все герцоги слушаются? Ого! Теперь есть что рассказать нашим. Он же живая легенда.

– Поумерь свой пыл и не думай к нему лезть, – предупредила Теа, по-свойски присаживаясь на ступеньку. В Красных степях, откуда она была родом, сидели так: скрестив перед собой ноги. Мы-то знали, что никакая она не пожилая, но для окружающих ее гибкость должна была выглядеть забавной. – Он здесь по делам. Завтра будет в Обители. Так вот тебе, Маррал, нужно прикусить язык и не пытаться выведать у него что-то про Приют, ясно? Тебе нужно помнить: тебя не взяли. На этом разговор окончен.

– Ясно, – скис Мар.

Внутри зашевелилось плохое предчувствие.

– Я думала, вы не в ладах с Приютом, – тихо сказала я.

Вышло нагло, но наставница не обиделась:

– Келлфер хочет посмотреть на тех, кто учится у нас, и забрать лучших в Приют Тайного знания.

– И мы отдадим? – ужаснулась я. – Это ведь неправильно! Мы все приходили под двери Приюта, и нас погнали оттуда, как собак! А уже после, когда мы начали сходить с ума от нарастающей силы, вы помогли нам, это вы не дали нам поубиваться! Мы им ничего не должны!

– Девочка, твой пыл понятен, но судишь поспешно, – осадила меня целительница. – При всем моем несогласии с политикой ордена, попасть на обучение туда – мечта каждого здравомыслящего шепчущего. Келлфер – наш почетный гость, относиться к нему следует соответственно. Он старше и сильнее каждого, кого ты знаешь и видела за всю свою жизнь. Даже не думай бросать ему в лицо смехотворные обвинения. Наша задача – не мешать ему и спровадить его как можно скорее, поняла?

Глава

3

ВСТРЕЧА В ОБИТЕЛИ

В день смены лет мне казалось, что все будет хорошо – а вышло совсем иначе. А вот на следующий день меня с самого утра не оставляло ощущение западни.

Хотя я вернулась под самое утро, как и те трое новичков, за которыми следила, заснуть мне так и не удалось. Лишь на часик провалилась в поверхностную дрему, окрашенную страхом, и даже в эти краткие мгновения все видела зеленые глаза с расширенными, почти заполнившими радужку зрачками.

Келлфер.

Я никак не могла отделаться от ощущения его присутствия, словно он следил за мной. И когда умывалась, почти готова была увидеть его лицо в зеркале, и когда отдернула шторы, чтобы пустить в комнату солнечного света, на секунду вдруг представила, что он стоит за окном. Это было как наваждение, от которого все внутри сводило страхом и странным предвкушением.

Может, стоило просто поговорить с ним напрямую. Объяснить все про родителей, про ложное обвинение герцога Верониона, про шепчущего-палача и про то, что у родителей

не было выхода. И что никто не был виноват, и меня карать не за что.

Вот только я рискнула бы вести такие разговоры только с Теа за спиной. А то Келлфер вполне мог просто посмотреть на меня как на ничтожество – и прихлопнуть, как муху, не слушая жужжания. Наверно, мы все были жалкими отщепенцами в его глазах – недостойными обучения в Приюте, мусором, в котором он приехал копать из какой-то неизвестной мне необходимости.

Мне всегда так говорили. Приютские смотрят на остальных свысока. Насколько же свысока должен смотреть директор – пусть и один из трех?

Так что мне стоило направиться прямо в главный дом Обители, надеясь успеть поговорить с наставницей с глазу на глаз и попросить ее поддержки. Если еще вчера казалось, что я смогу как-то провести таинственного мага, но после того, как Теа озвучила его имя, подобных иллюзий я лишилась. Слишком много всякого говорили о Келлфере, и даже если правдой считать десятую часть, бежать было бы глупо.

Когда я спустилась к завтраку, неплохо повеселившиеся вчера ученики еще спали. Я заглянула в доверенную мне малую сферу восстановления – пространство, созданное по просьбе Теа одним из лучших артефактологов мира и служащее для поддержания разума и безопасного выброса силы, – там тоже все было тихо. Мерное жужжание исписанных

рунами стен и тихое сопение восстанавливающихся первой ступени – ничего необычного.

Я быстро шла по широкой песчаной тропинке. Здесь, в Зеленом Доле, не любили холода камня, так что дома строили из дерева, и дорожки тоже не мостили, оставляя под ногами теплую землю или чуть подкрашенный охрой песок. Стояла самая середина лета, так что было жарко и влажно, и все вокруг зеленело, источало дурманящий аромат еще мокрой от утренней росы травы, цвело, нежилось в лучах встающего солнца.

Легкое платье приятно продувалось ветром, но волосы мне все же пришлось собрать в косу, иначе стало бы совсем жарко. У каждого из нас есть любимые моменты, ценности которых не понимает никто больше, маленькие, незаметные ритуалы, дающие нам силу. Для меня таким ритуалом было срезать путь через высокое разнотравье и ощутить, как мальва щекочет лодыжки, идти и вести кончиками пальцев по наливающимся цветкам черной горчицы.

Я слышала сок трав, и он словно мешался с моей кровью, давая мне бодрость. Теа говорила, что у меня дар настоящего лекаря, и что я смогу со временем создавать эликсиры, но пока я прикасалась к этой части себя, лишь когда погружалась в такую дрему наяву, и никак не могла впасть в нужное состояние по указанию.

Но сейчас мне нужна была сила и хоть какая-то уверенность в себе. Так что я скинула туфли и, подхватив их за зад-

ники, побежала вперед босиком, скользя на крупных и еще влажных листьях мальвы. Когда же увидела то, что во времена правящих здесь сорок лет назад зеленых герцогов было домиками для прислуги, а теперь служило жилыми корпусами ученикам, я свернула вправо, в заросший сад – так меня было не видно.

Детское желание спрятаться, вообще не идти в главный дом, внезапно накатило на меня, и я остановилась, а потом, озираясь, как преступница, легла на спину, закинув руки под голову. Теперь я видела лишь траву и кусочек голубого неба, ощущала бьющуюся в земле жизнь – и она успокаивала меня.

«Я полежу здесь совсем чуть-чуть, – сказала я себе, прикрывая веки. – Теа еще даже не встала».

– Ты наставница? – раздался знакомый до дрожи голос, и я резко открыла глаза.

Откуда он мог здесь взяться?! Посреди моего сада?!

Келлфер нависал надо мной исполином, закрывая небо. Своим темным камзолом он разрушал гармонию светлого, пастельно-нежного утра, превращая ее в невзрачный фон для силы и рождаемого ею страха.

Солнце ореолом золотило его каштановые волосы. Мне это свечение показалось столь неуместным, что я чуть нервно не захихикала, проглотив смешок лишь в последний момент.

– Нет.

– Послушница?

– В Обители нет послушников, только ученики, мы не орден, – объяснила я, садясь, а потом медленно поднимаясь на ноги. Наверно, прозвучало недостаточно вежливо, словно я обвиняла в чем-то самого Келлфера и Приют, потому что мой собеседник усмехнулся, отчего у меня кровь заледенела в жилах. – Но я и не ученица, – поспешно добавила я, избегая смотреть ему в лицо.

– Тогда что ты здесь делаешь? Разве территория школы не огорожена?

Мне хотелось спросить его в ответ, почему он интересуется, но только вспомнила слова наставницы – и мигом передумала. И ответила вежливо:

– Я помогаю Теа со сферами восстановления. Отучилась здесь, а теперь работаю с теми, кто только поступает. Теми, кто, как я когда-то, сошел с ума, потому что Приют Тайного знания их не принял.

И тут же прикусила язык.

– Это Теа сказала тебе про безумие? – неожиданно спросил Келлфер.

– Мне никто не говорил. Я была такой. Она спасла меня.

– Сколько тебе лет? – осведомился Келлфер, и я сразу ощутила себя ничтожной, как червяк.

– Тридцать четыре.

– Тридцать четыре, – повторил он эхом, и мне показалось, будто Келлфер разочарован, словно ожидал, что я назову другую цифру. А затем холодно, даже жестоко, добавил:

– Прежде чем судить о вещах, в которых не разбираешься, проживи хотя бы десять раз по тридцать четыре года. Ты еще ребенок, а уже бросаешься громкими обвинениями. Впрочем, в них я слышу чужой голос. Ты знаешь, кто я?

– Да, – не стала скрывать я. – Я ведь была на площади, когда маяк сработал.

– Да, – тихо, словно сам себе, ответил Келлфер. – Но тебе тридцать четыре года. Как тебя зовут?

Я сглотнула. Казалось, он был расположен ко мне в начале беседы, а сейчас, наоборот, расстроен. Я сделала несколько шагов в сторону дорожки, и Келлфер последовал за мной.

– Лариана дочь Ивала.

– Расскажи мне, как устроена Обитель, Лариана.

– Извините? – нервно переспросила я, ставя туфли на песок и быстро надевая их. – Я провожу вас к наставнице Теа. Она ответит на ваши вопросы, а я знаю совсем мало.

– Теа расскажет мне лишь то, что посчитает нужным рассказать.

Под его взглядом было ужасно неуютно, и вместе с тем что-то дрожало внутри. Как назло, у туфли замялась пятка, и мне пришлось ее поправлять. Наклонившись, я заметила, что, несмотря на жару, он в высоких сапогах. Но лицо не было покрыто даже испариной. Когда Келлфер заметил, что я разглядываю его выглядящий тяжелым и плотным камзол, он провел ладонью перед высоким жестким воротником, от которого у меня никак не получалось отвести глаза, и я оч-

нулась.

Да что со мной творилось?!

Мужчина словно гипнотизировал меня. И это дрожание воздуха вокруг его фигуры – я никогда не видела подобного, даже вокруг Теа.

Я потупилась, собираясь с мыслями. Если Келлфер хотел разузнать от меня то, что Теа предпочла бы скрыть, то он просчитался. Я бы никогда не предала наставницу. А так как не знала, о чем именно речь, то и на простой вопрос отвечать бы не стала.

– Ты лекарь, верно? – Сейчас я была готова поклясться, что Келлфер смотрел заинтересованно. – Лекари ищут успокоения во всем, что растет. Похоже, я сильно пугаю тебя, Лариана.

То, как он произнес мое имя, и то, какой смысл вложил в свои слова, заставило меня замереть, как кролик перед удавом. Я только таращилась на шепчущего, думая, знает ли он уже, что маяк звал меня, и просила Свет, чтобы мне дали пережить этот день. Тут я встретилась глазами с его – зеленые, как трава вокруг, только темнее и намного глубже, – и словно провалилась. Это было почти магнетическое ощущение, как с тем светом у него в руках, только вот теперь тянуло не к амулету.

И насколько же неуместно! Здесь, сейчас, с темнейшим шепчущим, что я встречала!

– Вчера было очень страшно, – выдавила из себя я. И куда

делось все мое красноречие? Слова совсем не шли на язык.

– Я не хотел этого, – неожиданно мягко сказал Келлфер.
– Тебе нечего бояться.

– Спасибо, – не поверила я ему.

– Покажи мне Обитель.

– Я... не стану. Простите, – добавила я. Тут же краска бросилась в лицо.

– Почему же? – осведомился Келлфер.

– Вы сами сказали, – пробормотала я менее уверенно, чем нужно было. – Вы хотите расспросить меня о том, что не расскажет вам Теа, а я верна ей. Она спасла меня. Отвечать на ваши вопросы – предательство, которое я себе не позволю.

Мне показалось, что его губы чуть изогнулись в улыбке, но это наваждение быстро пропало, когда он как ни в чем не бывало спросил:

– Сколько у вас наставников?

– Простите, – снова выдавила я из себя, хотя теперь мне мое собственное поведение казалось идиотизмом. – Я не буду говорить.

– Этот вопрос кажется тебе визнающим секреты Обители? Или ты думаешь, что я не смогу узнать на него ответ у кого-то еще?

Я молчала. Мужчина глядел на меня сверху вниз, и вдруг я поняла, насколько он выше и шире в плечах, чем я. К тому же, Келлфер стоял против солнца, так что я почти не видела его лица, и казался темным провалом в этом разгоравшемся

дне.

– Чувствую себя глупо, – пробормотала я.

– Неудивительно, – хмыкнул Келлфер, и это меня задело.

– Но я скажу Теа, как ты стойко сопротивлялась, чтобы не сказать мне, что наставников всего тринадцать.

То есть он знал ответ и просто меня проверял?!

– Это проверка?

– Нет, но момент интересный. Теа повезло с тобой. Ты все сделала верно.

Удивленная его похвалой, я подняла глаза – и глубокий взгляд шепчущего снова затянул меня. О чем он думал?

Мы стояли так, друг напротив друга, и молчали. Вдруг сильный порыв ветра ударил мне в спину, подхватывая легкую юбку, и я вцепилась в подол, а моя переброшенная через плечо светлая коса взвилась между нами, кончиком чуть не щелкнув мужчину по носу. Келлфер с улыбкой поймал мои волосы и перекинул их мне за спину, а в момент, когда его ладонь коснулась моего плеча, я вдруг заметила, что несмотря на ветер, его пряди даже не шевелятся.

– А почему у вас волосы не развеваются? – не сдержалась я. И тут же догадалась: – Вы закрыты щитом, да? Чтобы воздушное оружие не могло вас ранить...

– Лариана, вот ты где! – услышала я бодрый, но показавшийся мне испуганным голос наставницы Теа.

– Твоя помощница отказалась отвечать на мои вопросы об Обители, – вместо приветствия поставил ее в известность

Келлфер. – Хотя боится меня как огня.

– И умница, – тепло улыбнулась Теа, кладя мне руку на плечо. – Лариана – чудесная девочка. Неглупая, как ты мог заметить. Я ей доверяю, в отличие от тех, кто чуть ли тебе в ноги не бросается, как увидит своего бывшего директора. А боится она потому, что ты вчера впечатлил всю Цветочную долину и всех прибывших на праздник гостей.

– Ты же спела им страшную сказку, – усмехнулся Келлфер. – Так ты успокаиваешь это заглядывающее тебе в рот стадо. Красивой ложью и уверениями, что их это не коснется.

Теа посмотрела на меня, потом снова на своего собеседника.

– Ты словно представляешь меня лидером религиозного культа.

– Они относятся к тебе соответственно, твои обездоленные. Что тебе на руку.

– Если ты обвиняешь меня в чем-то, говори прямо, – твердо сказала целительница.

– Не сейчас.

Я все пыталась сделать вид, что меня нет. Я и убежала бы, но вот Теа все еще сжимала пальцы на мое плечо.

– И ты представляешь, что бы началось, если бы я сказала правду? – веско заметила Теа. – Да каждая посчитала бы, что ты разыскиваешь именно ее. Я даже защитила тебя в чем-то.

– Или их.

– Извините, – неловко вклинилась я в разговор. – О чем идет речь? Я думала, вы ищете того, кому собираетесь мстить?

– Нет, – повернулся ко мне шепчущий. – Можешь быть спокойна: ты не подходишь по возрасту, ей должно быть минимум на два года больше.

Я кивнула и улыбнулась, а когда он снова обратился к Теа, наставница уже легко подтолкнула меня в спину, чтобы я не слушала их разговора. Я заспешила вперед, не желая, чтобы Келлфер заметил мое смятение. Шла и думала об этой странной беседе, и о таинственном поиске какой-то женщины, и еще о том, что назвала ему тот возраст, который считала по праву своим – а годы, проведенные во сне в сфере восстановления, своими я не считала.

Я родилась тридцать шесть лет назад.

Глава

4.

РАСКОЛ

Появление герцогини Йорданки Петьер стало неожиданностью для нас всех.

Будучи нашей покровительницей, она иногда навещала Обитель, но никогда просто так. Это сквозило в ее холодных серых глазах, острых как иглы: будьте мне полезны – или я вас растопчу. Сложно было представить, как добрая наставница Теа нашла с ней общий язык, но леди Йорданка отдала под Обитель целый Зеленый Дол и лиги полей и лесов вокруг него. Это были богатые, плодородные земли, так что речи о щедром подарке не шло, но что предложила взамен Теа, мы не знали.

Правительница Коричневых земель имела огромную власть, и мы все понимали, как ценна ее поддержка. Говорили, раньше Йорданка была сильной шепчущей, но после войны ее здоровье пошатнулось, что, впрочем, не мешало ей править такой же твердой рукой, как и раньше, и окружать себя умелыми магами и не менее талантливыми военными советниками и палачами.

В меня герцогиня Петьер всегда вселяла ужас: сухая, ледяная, с туго стянутыми светлыми волосами, всегда укрытая по подбородок глухим платьем, надменная, жестокая, знаю-

щая, что все вокруг принадлежит именно ей. Говорили, и император побаивался ее.

Если она прибыла сюда сама, да еще одна, это означало для нас плохие новости.

Так что когда Йорданка без предупреждения быстрым шагом влетела в зал на втором этаже главного дома и, не здороваясь, прошла к креслу во главе стола, мы, до того обсуждавшие появление Келлфера, подскочили, как ужаленные.

– Приветствую вас, леди Петьер, – поднялась навстречу ей Теа. – Спасибо, что приняли мое приглашение.

Йорданка степенно кивнула наставнице, затем обвела зал взглядом, словно что-то искала. Вот она всмотрелась в пустой подоконник недалеко от моего кресла, глаза ее сощурились, словно она приглядывалась, а затем уголок бескровных губ дернулся вверх:

– Директор Келлфер, рада вас видеть.

Я обернулась и похолодела: он стоял у самого окна. Но его же только что не было! Не мог же он слышать, как Теа предупреждала наставников вести себя с ним осторожно, не мог знать, как мы с Элькой шепотом обсуждали ее тянувшийся с приютских времен страх перед ним! Но и появиться просто так он не сумел бы – мы бы заметили порталный проем!

Выходит, все это время Келлфер стоял здесь... Слушал, как переговаривались встревоженные наставники, как я назвала его самым страшным человеком, что видела в жизни, как Джаиса предложила просто отправить его обратно. Как

мы заверяли Теа, что верны только ей.

На расстоянии двух шагов от меня.

«Директор Келлфер», – изумленно пронеслось по рядам.

Я встретила с ним взглядом, и мне показалось, что зелье его глаз искрит. Но это так не подходило ему, что я уверилась, будто мне лишь привиделось. И все же теперь, когда Келлфер снял отводящую глаза завесу, я не могла не думать о том, как он воспринял наши обсуждения.

– Леди Петьер, – кивнул шепчущий, не глядя на меня. – Ты пригласила ее, чтобы отговорить меня? – обратился он к Теа так, словно ждал от нее не столько ответа, сколько подробного отчета.

– Чтобы напомнить, что Обитель имеет мое покровительство, – вместо Теа ответила Йорданка. – Имела до нашего с вами разговора, директор.

– Хорошо, – выступил вперед Келлфер. Он медленно обошел стол, за которым мы сидели, и остановился у кресла Йорданки, напротив Теа, сидевшей с другого торца. – За эти два дня я видел достаточно. Мы долго закрывали глаза на ваше существование. Это место или станет малой ветвью Приюта Тайного знания, вместе с чем кардинально поменяет свой подход к обучению, или исчезнет. Если Теа не готова принять это решение самостоятельно, пусть посоветуется с вами. Впрочем, вопреки логике, решение ею уже принято, я думаю.

Мы сидели как громом пораженные. Никто не решался

нарушить тишину.

– Какое право вы имеете закрывать Обитель?! – наконец раздался пораженный голос Джаисы, нашего артефактолога, ненавидящей Приют больше всех остальных. Ее, когда она чуть не погибла, Теа вытащила из-под стен Фортца – ближайшего к Приюту городка, а никто из сильных целителей рядом помогать Джаисе не стал.

Келлфер даже не обернулся в ее сторону. Джаиса лишь покачнулась и упала обратно в кресло, бешено вращая глазами, не в силах больше ни двинуться, ни разлепить губ. К ней бросились Асварт и Цион, но Теа опередила их:

– Не трогайте моих наставников, – процедила она сквозь зубы, помогая Джаисе сесть удобнее.

– Она цела, – отмахнулся Келлфер.

– Эта земля принадлежит нам, – сказала Теа жестко. – Ты у нас дома.

– Эта земля принадлежит мне, – поправила ту Йорданка. – Все Зеленые земли подчиняются Коричневым. И директор Приюта хорошо аргументировал, почему не стоит больше сдавать Зеленый Дол вам. Прошу меня простить, Теа, но я здесь не для того, чтобы помочь вам сохранить Обитель, а для того, чтобы поддержать в верном, – она выделила тоном это слово, – решении. Не думаю, что ваши... – герцогиня запнулась, подбирая слово: для нее мы ведь были лишь слугами, – ...коллеги знают, в чем дело. Но мои глаза теперь открыты.

Кажется, Теа была поражена.

– Син в курсе? – спросила она медленно. – Насколько я знаю, старшим директором Приюта по-прежнему является он.

– Син отсутствует уже шесть лет.

– Чем мы мешаем вам? – подошла к Келлферу Теа. Мне показалось, что на глазах ее почти стояли слезы. Она остановилась всего в шаге от мужчины. Кулаки ее были сжаты. – Вы поставили магическую защиту, отгородившую наш мир, и носители... – Теа сделала не понятную мне паузу, словно размышляла, стоит ли сказать больше, – ...сильной крови стали сходить с ума. Вы не принимаете их в Приют, оправдываясь элитарностью обучения и ограниченностью мест. И я стала помогать им, учить их первым ступеням тайного языка, исцелять их. Мы не претендуем на ваш статус, принимаем только тех, кого вы отвергли. Мы автономны, безымянные построили вокруг Обители несколько деревень за эти годы, потому что мы дали им возможность выкупить себя и больше не служить именованым. Мы отдаем в казну Империи намного больше, чем стоят эти территории. Спасаем больных со всех девяти земель. Так почему, даже не обсудив это с Сином, не обсудив это со мной, вы склоняете на свою сторону леди Йорданку и ставите меня перед таким выбором? Словно мы враги.

– Теа, лишь в знак уважения к тебе лично и тому, что ты делала раньше, и с надеждой, что ты вернешься в Приют, я не

разрушаю это место прямо сейчас, – тихо ответил ей Келлфер. – Твое детище стало основной магической, политической и этической проблемой континента. Его проще было бы вырезать, как болезненный нарост на дереве, и не принадлежи оно тебе, вы все были бы уже мертвы. Я жду, что ты придешь в себя, но пока этого не произошло, контроль переходит ко мне.

Повисла тишина такая густая, что мы, кажется, слышали биение собственных сердец. Все мы, тринадцать наставников и три помощника, сейчас ненавидели этого жестокого, обладавшего такой силой шепчущего и сидевшую рядом с ним холодную герцогиню, всю эту несправедливость – и каждый боялся сказать хоть слово. Как смели они в чем-то упрекать наставницу Теа, посвятившую свою жизнь великой цели?!

Я обернулась к Эльке, моей подруге. Губы ее дрожали, и в глазах стояли слезы.

– А почему бы нам правда просто не стать ветвью Приюта? – подала голос Иловирис, наставница родом из Черных земель. Все разом повернулись к ней, и мне показалось, что ее сейчас разорвут на куски, но сама Иловирис спокойно встала и вышла из-за стола, чтобы оказаться рядом с Йорданкой и Келлфером. Она тепло и с каким-то надрывом посмотрела на директора, а потом на Теа, и развела руками. – Не вижу другого адекватного выхода.

– Сразу подскочила ему подмахивать, – зло прошептала

мне на ухо Элька. – Говорят, это она нас ему сдала.

– Она не могла нас сдать, – так же тихо отозвалась я. – Мы не маленькие, а директора Приюта не слепые. Как бы я ни относилась к Иловирис, она тут ни при чем. Они все чего-то недоговаривают. Я не могу понять.

– Иловирис на Келлфера большими глазами смотрит, – озвучила Элька мои мысли. – Подхалимка.

– Что? – услышала ее слова Иловирис.

Она улыбнулась – красивый вышел бы жест, если бы в нем не было столько яда, – и, не сводя взора с Эльки, пошла на нее. Серо-алое платье угрожающе, как хвост змеи, зашуршало по паркету.

– Это подхалимство, – встала я на защиту подруги прежде, чем Иловирис еще хоть что-то сказала бы Эльке. – Никто из нас не хочет быть частью Приюта Тайного знания. Это ведь... – я запнулась. – Основа Обители. Быть другими.

Она перевела на меня взор, и телячьи ее глаза окрасились презрением.

– Ну, я бы не против, – неожиданно поднял руку Вито, наставник родом из Черных земель. – Приют – прекрасное место.

– И я, – взметнулась вверх изящная ладонь Улы, самой младшей из наставников, доброй и рассудительной девушки. – Это ведь лучше уничтожения. Не понимаю, почему такой вариант должен нас напугать. Все мы учились там.

Теа присела рядом с Джаисой и устало прикрыла ладонью

глаза. Мне показалось, она плачет, но когда целительница опустила руку, глаза были красными, но сухими. Цион положил ей руку на плечо. Синие глаза мудрого целителя светились сочувствием, но он тоже медленно поднял другую:

– Лучше так мы сохраним то, что сейчас строим, – сказал он Теа, и та сбросила его ладонь, как гада.

– Голосуйте, раз так, – предложила Теа подавленно. – Только помните, что я говорила.

– Стать младшей ветвью Приюта! – тут же подхватила Иловирис, вытягивая руку вверх. Она посмотрела на Келлфера, словно ожидая одобрения, но тот смерил ее равнодушным взглядом, и женщина обиженно закусил губу. – Я, Вито, Цион, Ула, Галис, Даллан. Ну же. Лариана? – обратилась она ко мне.

Я со злостью посмотрела в черные глаза и выплюнула в ответ:

– Никто из тех, кого Приют бросил сходить с ума, не проголосует за, Иловирис.

– Конечно, наша блаженная Лариана, защитница слабых и хозяйка сферы, – скривила красные она губы. – Доверенное лицо милосердной Теа.

– Ты говоришь так, будто это плохо, – парировала я, стараюсь не думать о том, что снова ощущаю взгляд зеленых глаз.

– Вы тратите мое время и время директора Келлфера, – зазвенел голос Йорданки. – Насколько я вижу, решено. Жаль, я бы на вашем месте поступила иначе. Я разрываю

договор с вами, вам более не рады в Зеленом Доле. Думаю, не нужно объяснять, что угрожать мне или пытаться переубедить бессмысленно. Директор, – обратилась герцогиня к Келлферу. – Вам хватит недели?

– Вполне, – отозвался тот.

– Келлфер, – склонила голову перед шепчущим Теа. – Одумайтесь, прошу. Здесь сотня учеников. Я брала лишь тех, кто сходил с ума, а значит, самых сильных. Их нельзя лишать обучения, особенно только начавших говорить на тайном языке. Они опасны для себя и окружающих.

– Ты права, Теа, – неожиданно согласился Келлфер. – Неделю вы будете продолжать занятия, как и раньше. Этого времени мне хватит, чтобы отобрать тех, кого я посчитаю не потерянными для учебы в Приюте.

– А остальные? – выдохнула Теа, а потом что-то промелькнуло в ее глазах, и она пораженно отступила.

– Не может же он... – потрясенно прошептала Элька.

Но похоже, именно это он и имел в виду.

Тогда мы еще не знали, почему Келлфер был так жесток.

5. «ПОЧЕМУ ТЫ ПЛАЧЕШЬ?»

Мне не спалось.

Как вообще можно было спать? Нужно предупреждать учеников, бежать прочь, рассеиваться, пока Келлфер не уни-

чтожил нас всех!

Так почему же Теа приказала молча слушаться его?!

Я вертелась с боку на бок, не находя покоя. Одеяло душило меня.

«Это Теа тебе сказала о безумии?» – вспоминался мне низкий, но прохладный голос. И как он смотрел на меня: не ненавидя, скорее с жалостью.

Луна светила сквозь незанавешенное окно, ее лучи казались пронзительно-белыми, слепящими. Я встала, чтобы задернуть штору, но вместо того облокотилась на подоконник, прислонилась разгоряченным лбом к стеклу и закрыла глаза.

– Надо что-то делать, – прошептала я в темноту комнаты. – Мы же не можем просто дать ему все разрушить! Надо просить помощи. Писать императору. Что угодно. Нельзя же просто жить, как жили.

Я ударила по стеклу раскрытой ладонью и услышала треск.

– *Ааасха*, – прошептала я, и паутинка трещин схватилась, как если бы ее склеили, и стала почти незаметной.

Я рассматривала получившуюся заплатку, когда мой взор обратился за стекло, в черный ночной сад.

Вверенная мне малая сфера, которой было положено светиться голубым, розовела.

Я рванулась наружу, на ходу набрасывая на тонкую ночную сорочку длинный шелковый халат. Похоже, кто-то проснулся, несмотря на успокаивающие заговоры, и требо-

валось срочно погрузить больного обратно в сон, пока он кому-нибудь не навредил. Это было несложно: поначалу очнувшиеся все еще вели себя как сомнамбулы, но чем больше времени проходило, тем больше безумие брало над ними верх, так что медлить было нельзя.

Я преодолела лужайку, скользя босыми ногами по росе, за несколько мгновений. Растрепанная, запыхавшаяся, влетела во внешний слой сферы, готовясь усмирить безумца, если потребуется... и столкнулась с Келлфером.

На мгновение я скользнула кончиками пальцев по его оказавшимся мягкими волосам, чуть не ткнулась носом в камзол, но он поймал меня под мышки, как заигравшегося ребенка, и без малейшего усилия переставил чуть дальше, ко входу, словно это я потревожила его в рабочем кабинете, а не он тайком проник в одно из самых защищенных мест Обители.

– Что вы здесь делаете? – выдохнула я, загораясь краской: жар его рук, который я ощутила сквозь тонкую сорочку, все еще грел кожу, словно мужчина продолжал меня держать. – Вам нельзя сюда. Как вы вошли? Защита должна была вас остановить.

– Теа очень талантлива, но защитные заговоры удаются ей намного хуже, чем исцеляющие, – спокойно, будто это все объясняло, ответил Келлфер. – Но ты права. Я могу пройти внутрь, только если вскрою купол, а это убьет спящих. И все же мне нужно посмотреть, как сфера работает. Так что ты

проведешь меня, если не хочешь своим подопечным смерти.

– Что вы хотите делать?

– Я только что сказал тебе.

– Я могу рассказать, как она работает, – с пылом уверила я, не желая пускать его внутрь. – Теа дала нам разрешение просвещать вас обо всем.

– Так и сказала – «просвещать»? – усмехнулся Келлфер. – Какая прелесть. Я не сомневаюсь в твоих чистых мотивах, служительница Обители, но все же посмотрю сам.

– Хорошо, – остановила я его. У меня не было сомнений, что он способен войти внутрь. – Пожалуйста, не будите их. Это ведь ни в чем не повинные люди... – тихо попросила я его, открывая второй слой.

Шепчущий сразу ступил внутрь. Я испуганно последовала за ним, готовая броситься между ним и больными, но Келлфера они не интересовали. Вместо этого он подошел к испи-санной рунами стенке и медленно провел над символами ладонью, а после пошел по периметру, продолжая вести кончиками пальцев по мерцающему полотну, словно был слепым и читал на ощупь. Я с беспокойным сердцем следила за его манипуляциями, и когда он обошел полный круг и вернулся ко входу, посторонилась, с облегчением давая ему выйти. Задерживаться внутри Келлфер и правда не стал. Не захотел он оставаться и во внешнем слое.

Я выскочила за ним, запечатывая вход, и прислонилась к сфере спиной. Словно буря пронеслась мимо.

– Так как она работает? – повернулся ко мне Келлфер.

Луна и голубой отсвет заговоров делали его и так светлое лицо совсем бледным, мраморным, а простой серый камзол без металлических украшений сливался с полуночным садом. Из рта вырывались облачка пара, когда он говорил.

– Вы считаете, она не лечит. Вы намекаете на это, – прошептала я.

– На что я намекаю, Лариана?

– Что Теа нас не лечила, – выдала я свою безумную мысль и тут же устыдилась ее. – Вы пытаетесь посеять сомнение. Вы же говорили не только со мной, да? Зачем вам это?

– Я беседовал с каждым наставником, но большинство остались глухими. Не ожидал, что ты услышишь. Сфера безусловно исцеляет, и отлично. Поврежденному разуму нужно исцеление.

– Вы снова намекаете?

– Ты изменилась, когда решила, будто тебе есть что защищать, – заметил Келлфер. – Больше не боишься меня?

– Я знаю, что вы можете меня убить, – дрогнул мой голос. – Но вы правы. Это место я буду защищать.

– Не сомневаюсь, ты ведь считаешь, что борешься за свет. В твоих глазах я монстр, который пришел разрушить ваше дело, избить слепых котят, не иначе, – иронично усмехнулся Келлфер. – Но Теа права. Ты умная девушка, Лариана, так подумай своей головой. Желай я просто уничтожить здесь все, разве уже бы не стер в пыль? Есть ли у тебя сомнения,

что мне это по силам, или в том, что за подобное меня некому наказать?

– Нет, – с трудом признала я.

– Тогда почему я здесь?

– Я не знаю, – тихо ответила я.

Келлфер сделал ко мне шаг, потом еще один. Отступить мне было некуда.

– Что бы ты сделала на месте Теа, если бы услышала, что я спустя неделю хочу убить ваших учеников? – вдруг напрямую спросил Келлфер, и меня пробрала дрожь от того, как он произнес эти слова.

– Я не знаю, – соврала я вполголоса.

– Лариана, – его голос ужесточился. Он вдруг протянул руку, взял меня двумя пальцами за подбородок и с непреодолимой силой, которой я даже не стала сопротивляться, приподнял лицо так, чтобы я смотрела ему в глаза, сейчас казавшиеся абсолютно черными и будто поглощавшими свет. – Ответь.

– Я бы спрятала их, – проговорила я, не в силах лгать.

– И?

– И всем бы сразу об этом сказала.

– А что сделала Теа?

– Приказала нам молчать, – прошептала я, и мои глаза округлились осознанием. – И прогнала всех, кто голосовал за присоединение к Приюту, чтобы не рассказали они.

– Именно, – удовлетворенно улыбнулся Келлфер.

Вдруг я поняла, как близко его лицо, что я различаю даже очертания жемчужных зубов за чуть приоткрытыми губами. В его глазах тоже промелькнула тень, словно мужчина увидел во мне что-то, чего не видел раньше, и он медленно провел кончиками пальцев по моей щеке вверх, до скулы. Мне показалось, Келлфер что-то хочет сказать, но он остановил себя, отступив на шаг и оставив меня, задыхающуюся, почти что распятую на проклятой сфере.

Опустил взгляд ниже и отвернулся. Я тоже глянула вниз – и была готова провалиться под землю от смущения, когда увидела собственные торчащие сквозь тонкий шелк соски. Я обняла себя руками, укрываясь халатом, благодарная, что он больше не смотрит, и на глаза навернулись слезы стыда.

Вся эта картина вдруг предстала передо мной как со стороны. Я, растрепанная после сна, в смехотворной и пошлой ночной одежде, жмусь к магическому артефакту, дрожа и от страха, и от неуместного возбуждения, а ему, должно быть, просто мерзко на это смотреть. Мне и самой было противно от себя.

– Простите, мне холодно, – зачем-то проямлила я.

Келлфер молча повел пальцами, и мне на спину и грудь опустила полоса чудесной, мягкой ткани. Она не была теплой, но главное, прикрывала меня до пояса, так что я приняла ее со смесью благодарности и смущения – Келлфер явно прекрасно понял, почему я будто бы замерзла.

– Ты... – тихо проговорил он. – Что ты ощутила на празд-

нике, когда увидела маяк?

– Ничего, – соврала я без сомнений. – Испугалась только, как и все.

Он взгляделся в мое лицо, словно искал признаки лжи. Губы его дрогнули и вдруг, всего на миг, он показался мне не страшным, непобедимым темным магом, а опустошенным каким-то горем человеком. И эта непонятная мне рана исказила его черты так, что мое сердце дрогнуло от боли вместе с ним.

Но странный миг прошел, и Келлфер отвернулся.

– Я думала, вы взяли кровь, чтобы удостовериться, – попыталась легко сказать я, плотнее наматывая на себя шаль. – Моя же ничего не дала?

– Мне нужно время, чтобы починить маяк, – тихо ответил Келлфер. – Еще несколько бесконечных дней, которые я занимаю, разбираясь с этим местом.

Это было... искренне. Настолько, что я не побоялась спросить в ответ на его открытость:

– Почему вы ненавидите Обитель?

– Ненависть – неподходящее слово. Это лишь грязь, от которой нужно избавиться, если я хочу жить в чистом мире, – вдруг жестко сказал Келлфер, и мне показалось, что черты его заострились. – В которой замешана одна из лучших целительниц Альвиара, адекватнейшая женщина, неожиданно возомнившая себя мессией и создавшая вокруг себя культ.

– Вы несправедливы к Теа! – Не понимая, из-за чего, я

вдруг ощутила, как к глазам подбираются горячие слезы. Не в силах сдержать рыданий, я закрыла мокрые веки ладонями и согнулась во всхлипах, душа их. – П-почему я плачу?! Вы ничего о нас не знаете! Ничего!

– Почему ты плачешь? – вернул мне Келлфер мой вопрос.

– Это вы сделали со мной что-то!

– Нет.

– Она, наверно, не хочет нагнетать панику, – бормотала я.

– Ты сама в это не веришь. Лариана, ты где-нибудь, кроме Обители, слышала о таинственном сумасшествии шепчущих?

Я не ответила. Не смогла. Мне казалось, что я узнала об этом дома, или в Цветочной долине, или в Страце, везде, но как только цеплялась за какой-нибудь конкретный образ, мысль уплывала.

– Я вам не верю. Вы просто хотите нас поссорить. Зачем вы говорите мне это?

– Я отвечу тебе, как только ты признаешь, почему плачешь.

– Прекратите это повторять! – попросила я его. Образ мага, очертания луны, сферы, сада размывались перед глазами. Я задержала дыхание, успокаиваясь, но это не помогло, и тело снова скрутило спазмом.

И вдруг Келлфер обнял меня.

Я просто ощутила тепло его рук на своей спине и плечах, и как он аккуратно прижал мою голову к своей твердой гру-

ди. Это настолько выбило дух, что я перестала плакать – и оттолкнула мужчину изо всех сил, не понимая, что делаю, борясь с желанием зарыться носом в его волосы, покрываясь мурашками, жаром, холодом с головы до пят.

Я успела увидеть лицо Келлфера: неожиданно живое, ошарашенное, словно он и сам не ожидал от себя ничего подобного, а потом побежала домой, пытаясь не растерять остатки достоинства.

И когда рухнула в постель, сжимая между ног тонкое одеяло, я еще ощущала горячее прикосновение, и меня преследовал его запах – теплых камней и пергамента. Я чувствовала на коже щеки и рук текстуру одежды мужчины, а где-то на кончиках пальцев – мягкость длинных волнистых волос.

Мой мир рушился, а я вся превратилась во влажный пульс.

Никогда еще я не хотела никого так сильно.

–*Ашсасаварисааса*, – прошептала я сонный заговор, которым собиралась усыплять подопечных.

И стоило мне прикрыть веки, я забылась болезненным, несущим облегчение сном.

Глава

6.

КУЛЬТ

Каждое утро я беседовала с ребятами, за которыми следила. Это были чудесные парни и девчонки, оказавшиеся в таком же непростом положении, как я когда-то, и они, как и я, сражались с навязчивыми импульсами, страхами, болью и желаниями. Все мы, прошедшие через безумие, знали: оно забирает у тебя самое ценное, то, что ты считаешь сугубо своим – волю.

Каждый день их состояние понемногу менялось. Большинство проводило в сфере сутки напролет, открывая глаза лишь для общения со мной, но кто-то уже мог достаточно себя контролировать, чтобы не спать, а читать или что-то обсуждать с остальными, не покидая сферу. Еще трое, из которых самым продвинувшимся к выздоровлению был Мар, имели возможность покидать не только сферу, но и территорию Обитатели – под моим присмотром, разумеется.

Все они никак не могли подчинить себе даже самые простые заговоры. Я знала: как только увижу, что они более не впадают в то болезненное состояние, и наша с ними беседа не вызовет приступа агрессии или паники, можно перейти к тайному языку. Не сразу, но он давался им – и тогда, признав, что они пришли в себя, я отправляла вылечившегося

к Теа.

За проведенное вместе время, мы сдруживались, разговаривая почти обо всем. Я видела, что им становится легче, когда их не осуждают, принимают, говорят с ними даже о самых пугающих страхах без жалости и недоумения. Они тянулись ко мне, как я когда-то тянулась к Теа, и мне казалось, что наши ежедневные разговоры помогают им приходить в себя – не как восстанавливающая сфера, конечно, и все же.

Ведь те, кто сходит с ума, в первую очередь теряют своих близких, а поняв, что натворили, ощущают себя отвергнутыми. Я старалась заполнить эту пустоту.

Маррал, молодой паренек, прославшийся в сфере последние полтора года, стремительно шел на поправку. На празднике ему удалось познакомиться с милой девушкой, и теперь он, совсем как раньше, строил по-мальчишески задорные планы ее завоевания. Недуг уже отступил, но заговоры все никак не хотели подчиняться ему.

Я смотрела в веселые темные глаза, на вздернутый веснушчатый нос, на каштановые кудри, и сердце сжималось от мысли, что Мара Келлфер с собой в Приют не возьмет. А значит... Комом в груди тяжелела боль – за него, за остальных.

– *Шахаана*, – шепнула я. На фитиле круглой свечи послушно заплясал огонек. – Давай, Мар. Попробуй еще. Будто от этого зависит твоя жизнь. Сосредоточься.

– *Ааасшахасана*, – послушно повторил Маррал, но ого-

нек лишь дернулся, не пропадая, и словно в насмешку, вытянулся выше, плавя воск. — *Ааасшахасана. Ааасшахасана.* Не могу.

— Мар, — выдохнула я, представляя, как за нами бесстрастно наблюдает Келлфер, как он разворачивается и уходит, оставляя парню только смерть. — Сегодня у тебя выйдет. Давай. Пожалуйста.

— Ты как-то близко принимаешь это к сердцу, — зевнул Маррал, прикрывая рот ладонью. — Сама же говорила. Не получится сегодня — получится завтра или через неделю. Я же уже здоров, приступов вообще нет. Эти слова пока только слова.

Я потеряла лоб.

— Ты прав, — тихо признала я. — Я не могу тебя заставить. Теа говорит, всему свое время.

— Тогда я свободен? — оживился парень.

Я думала, что ему сказать. Тысячи слов вертелись на языке. И все же нарушить приказа Теа я не смогла: а вдруг она права, и паника ни к чему хорошему не приведет?

— Через пять дней мне очень понадобится твоя помощь. И других. Только это секрет, — приложила я к губам палец. — Нам нужно будет некоторое время отсутствовать. Никому не говорите, хорошо? Но соберите вещи заранее, может, придется уходить раньше. Это будет сюрприз для Теа.

— Звучит интересно! — даже привстал со скамьи Маррал. — Я очень надеюсь, что мы снова сможем в Цветочную до-

лину.

– Обязательно, – попыталась улыбнуться я.

– Буду ждать, остальным скажу. Про секрет понял, – бодро отчитался парень. – Подготовлюсь.

Навязчивые мысли не давали мне покоя.

– Мар, – взяла я его за руку. – Я хочу тебя кое о чем спросить. Как ты встретился с Теа? Когда это было?

– Теа запрещает нам рассказывать о безумии и всем, что было до. Она считает, это может откатить назад, – осторожно напомнил мне парень то, что я и так прекрасно знала.

– Только мне можно. Как иначе я пойму, что ты вылечился, – соврала я.

Мой подопечный неуверенно переступил с ноги на ногу, а потом решился, доверяя мне, предательнице:

– Я встретился с наставницей еще до Приюта, – вспомнил он, и мне отчего-то стало холодно. – Как раз в Цветочной долине. На позапрошлом празднике весны она подошла ко мне, когда увидела, что я делаю детям живые фигурки из бумаги. Я тогда о ней знал только что рассказывали, здорово струхнул, не каждый день к тебе великая целительница подходит. Но она просто увидела во мне талант к овладению тайным языком. Сказала, чтобы я скорее бежал в Приют – уже тогда знала, что если я не стану реализовывать потенциал, он сведет меня с ума. Она предупреждала, и я ей поверил. Но когда я оказался в Приюте, меня не взяли. Сама знаешь. Желающих учиться тысячи, а мест всего двадцать.

Меня Хранитель ключей даже во двор не пустил. Выцепил из шеренги – и прочь, говорит. Я тогда таким дерьмом себя считал, сильно напился. А когда понял, что в беспамятстве поубивал коров дяди, знал, куда бежать. Теа меня вспомнила и приняла.

Не веря, что спрашиваю это, я все же произнесла, одним вопросом окончательно предавая веру в мою наставницу:

– А до встречи с Теа ты ощущал безумие? Я имею в виду, ты же делал живые фигурки.

– Я много лет этим детишек развлекал, – засмеялся Маррал. – Не, тогда все было хорошо. Я думаю, это посещение Приюта меня в чем-то сломало.

– Наверно, – выдохнула я потрясенно. – А помнишь, когда тебя Хранитель вывел, он других выводил?

– Это обязательно? – погрузнел парень, подбородок его задрожал, и я испугалась, что у него случится приступ, но тремор быстро прошел. – Я не хочу думать о том, почему оказался хуже всех, что меня даже наставникам не представили.

– И меня не пустили, – отозвалась я, и в глазах Мара засветилось понимание. – Хранитель Ключей не дал даже переступить порога, как и тебе. Я тогда ощутила себя настоящим ничтожеством. Но я лекарь. Келлфер сказал, что это очень редкий дар.

– Ты к чему?

– Сейчас я не думаю, что была хуже остальных. Я и то-

гда решила, что дело в компании сыночков маркизов и баронов передо мной, что все устроено политически. Но вчера я поговорила с Келлфером, и кажется, они и правда ценят талант. Тогда почему меня не взяли?

– А я не лекарь, – развел руками Мар.

– Да. Но ты вдыхал жизнь в неживые предметы, даже не владея тайным языком. Что это, если не талант? Кто так может?

– Лариана, ты на что намекаешь?

Я обвиняла Келлфера в намеках, а теперь Мар обвинял меня.

– Не знаю, – сдалась я. – Я просто... мне нужно поговорить с остальными.

7. ГЛУХОТА

Спустя несколько часов я уже искала Келлфера сама.

Перед открывшейся мне неполной, но уже пугающей картиной, меркла опасность его маяка, и смущение вчерашним днем было уже неважно.

Предположения терзали меня. Я отказывалась верить, что Теа могла причинить нам какой-то вред, но что она знала, кто сойдет с ума, было неоспоримо. Наставница совершенно логично отправляла нас всех в Приют, но так странно, что по воле случая, она встретила всех, кто сейчас спал в сфере! «Но подожди, – успокаивала я сама себя. – Может, просто выжили лишь те, кому она сказала, куда идти? И может, Хранитель тоже видел подступающее безумие? Может, он не дает сходящим с ума поступать в Орден? В этом же есть логика?»

В конце концов, за все двенадцать – а то и четырнадцать, если считать проведенные в сфере, – лет, что я знала Теа, она ни разу не поступила неэтично!

Мне нужно было поговорить с Келлфером. Он точно знал все о Хранителе Ключей, он точно мог вставить недостающие кусочки мозаики в эту картину.

– Элька, – окрикнула я спешащую подругу. – Ты не видела пришедшего директора? Где он?

– Зачем он тебе? – нахмурилась Элька. – Вообще вроде

смотрит за медитацией у Джаисы. Ей пришлось взять группу Циона, когда Теа его удалила. Там сейчас двадцать человек пытаются найти свой внутренний источник. Не знаю, за чем там смотреть.

– А ты... – Я понизила голос. – Что будешь делать, если он твоих не выберет?

– Теа нам сказала пока не дергаться, – так же шепотом ответила Элька. – Она что-нибудь придумает. Ты же ее знаешь. Не даст наших в обиду. Даже ему. Наверно, увезем их в последний момент куда-нибудь.

– А ты не думаешь, что может быть поздно? – взглядела я в ее встревоженное лицо. – Может, потихоньку отправлять слабых по домам сейчас? Он же не дурак. Не верю, что мы просто ждем.

– Лариана, ты знаешь, я очень тебя люблю, – вздохнула Элька, как когда я говорила что-то, с ее точки зрения, глупое. – Но ты не наставница. Теа сказала нам все ясно. С каких пор ты ей не доверяешь?

– Я доверяю, – выдавила из себя я, хотя казалось странным, что Эльке, моей веселой, доброй, замечательной подруге, и в голову не пришло предупредить учеников, которых она вела уже четыре года и знала, как не каждый знает своих детей. – Спасибо. Встретимся после занятий?

– На мне еще группы Вито и Улы. До ночи занята.

– Ясно. Спасибо, – быстро попрощалась я с ней.

Медитация должна была быть в разгаре, оставался час до

окончания. Я вбежала на второй этаж еще одного небольшого, когда-то хозяйского корпуса, служившего нам лекционным, и тихонько приоткрыла небольшую деревянную дверь.

Джаиса сидела на возвышении, как царица на троне, а на ступень ниже ее ног расстился сплошной пласт теплого воздуха, на котором примостились, скрестив ноги, двадцать три ученика. В комнате царил блаженный прохлада, пахло цветами, слышался шум воды. Шторы задернуты не были, и солнечные зайчики, отбрасываемые тяжелой хрустальной люстрой с ящерицей на бронзовых листьях, плясали по лицам и ладоням, которыми ребята закрывали глаза.

Все они были погружены в транс той или иной глубины. Перед каждым стояло растение в небольшом горшке, и цветы, покачиваясь, тянулись к ученикам, словно к свету.

Я оглядела зал. Келлфера не было.

Почему-то это отозвалось во мне отчаянием. Вдруг стало очень страшно, что он покинул Обитель, и это чувство было уже совсем неадекватным.

Я пробралась по стене к следившей за учениками Джаисе и наклонилась к ней:

– Келлфер не здесь?

– Понятия не имею, – шепнула она в ответ. – Помнишь, как он на совете появился. Надеюсь, нет.

– Если Келлфер слышит меня, – громче проговорила я, оглядываясь – Мне очень нужно с ним поговорить.

– Зачем? – сощурилась Джаиса, словно заподозрила ме-

ня в чем-то. Ее коротко остриженные каштановые волосы дрожали от напряжения, а серые глаза почему-то смотрели недобро. — Только не говори, что ты тоже хочешь в Приют. Только не ты. Мало нам Циона.

Я только покачала головой в ответ. Вдруг мне вспомнилось, что Келлфер сказал о наставниках, с которыми беседовал: они остались глухими. Я любила Джаису, эту импульсивную, свободолюбивую уроженку Синих земель, остроумную, готовую во всем меня поддержать. Мы через многое прошли вместе с ней, и, в отличие от большинства других наставников, она никогда не смотрела на меня свысока. Мне хотелось поделиться с ней, как хотелось поделиться с Элькой.

Но прямо сейчас я поняла: она меня не услышит.

И вышла.

.

8. ОТВЕРЖЕНИЕ

Сумерки принесли прохладу, в высокой траве зажглись и затрещали первые светлячки, Обитель опустела, укрытая вечерней усталостью. Наставники, измотанные длинным днем, после ужина разошлись по комнатам, не обсуждая отбор, который собирался устроить Келлфер. Я смотрела на них и не могла понять: почему они так спокойны?

Быть может, Теа придумала какой-то план, и лишь меня в него не посвятили?

Мне казалось, меня избегают. Даже Элька, сославшись на усталость, не стала разделять со мной трапезы, и я сидела одна, словно про меня забыли. Не желая пить чай молча, я подсела к Джаисе и Асварту, и они сразу притихли, будто мне нельзя было слышать, о чем они говорят.

– Что происходит? – напрямую спросила я.

– Это ты нам скажи, – хмыкнул Асварт.

– Прекрати, Ас, – оборвала его Джаиса. – Я не верю слухам. Лариана – из наших. Иловирис может болтать что угодно, потому ее и прогнали. Она просто пытается нас поссорить.

– Что болтает Иловирис? – не поняла я. – И как болтает, если Теа запретила ей появляться в Обители?

– Иловирис всем сказала, что это Келлфер пустил ее. Ночью, – округлила глаза Джаиса. – Интересно, зачем?

«Значит, ему нравятся вот такие женщины, – мрачно подумала я. – Высокие, статные, черноволосые и черноглазые, с ледяной кожей и кровавыми губами. Черноземельки».

– Вот это точно не наше дело, – остановил легкую на язык подругу Асварт. – Замолчи. Обсуждать директора Келлфера будет только идиот.

– А я не про него, – отмахнулась Джаиса. – Утром мы с Галисом и Томашем отправились в ближайшую деревню по поручению Теа, и там встретили нашу предательницу Иловирис.

– Не жестко ли? – заметила я, делая глоток чая. – До вчерашнего дня никакой предательницей она не была. Вам не кажется, что это чересчур – выдворять несогласных из Обители?

Асварт и Джаиса переглянулись, словно я сказала что-то, что они поняли по-своему.

– Иловирис всем рассказала, что ты виделась с директором Келлфером ночью, – криво улыбнулась Джаиса. – Она следила за вами издали, когда уходила.

– И что? – подняла я подбородок, хотя под ложечкой неприятно засосало. Элька тоже слышала об этом? Все шепчутся за моей спиной? – Он пришел посмотреть, как работает сфера. Я проводила его.

– Ну да, – с выразительным звоном поставила на стол сахарницу Джаиса. – Так она и сказала.

– С каких пор общаться с тем, кому Теа приказала помо-

гать, неправильно?

– Иловирис говорит, выглядело так, будто вы знакомы.

– Мы не знакомы, – отрезала я, вставая. – Спасибо за доверие. Да что с вами! Когда это я давала повод усомниться в моей верности Обители? А Иловирис только вчера голосовала против нас. Вы что, слепые?

– Вас видела не только Иловирис, – буркнул Асварт. – Слушай, это все твое дело. Но если ты против нас с Теа...

– Я всегда за вас! – возмутилась я. – Вы... поверить не могу. Аппетита у меня больше нет. Хорошего ужина.

– Я просто хотела тебя предупредить, – бросила мне вслед Джаиса. – Я не считаю тебя предательницей!

9. «ЭТО ТЫ!»

Я устроилась в кресле из ивового прута, с моим любимым видом на ночной сад. Под пение соловьев я размышляла уже даже не о Теа и не о схожести историй безумия, не о Хранителе Ключей – а о том, как за один день поменялось все, что я привыкла считать непреложным, – и как невероятны были эти изменения. Как могли люди, знавшие меня двенадцать лет, вот так просто поддаться общему настроению? Они же, счастливо выгнавшие не согласных с Теа наставников, как могли так просто отречься от своих друзей?

И вдруг меня словно ледяной водой окатило: а я? Разве я, как бы сейчас ни скучала по всегда спокойному Циону и по рассудительной Уле, как бы ни осуждала остальных, разве не рада была, когда Теа выставила их прочь?

Я думала: Элька предала меня, не сказала, что обо мне ползут слухи. Но разве мы вчера возразили Теа?

На чем же строились наши отношения, если так легко дали трещину? Свет, всего за один день! Это вообще возможно?

– Ты искала меня.

Негромкий голос Келлфера заполнил собой ночь, вырывая меня из тягостных раздумий. Он стоял в десяти шагах от стола, черный провал в темноте, и ждал. Я не могла различить черт его лица, тени скрывали их от моих привыкших

к темноте глаз.

– Вы собирались следить за занятиями, поэтому я пыталась найти вас там. Простите, если тем поставила в неудобное положение.

– У меня были более неотложные дела.

И Келлфер шагнул в свет висевшего над столом фонаря.

Когда я вновь увидела его, то вчерашнее чувство вернулось. Келлфер молча прошел передо мной, сел в плетеное кресло напротив и посмотрел в упор вверх сложенных под подбородком замком рук. Казалось, он о чем-то размышлял.

Я внезапно ощутила себя не просто голой – без кожи, словно Келлфер мог смотреть не на меня, а внутрь. Мне захотелось закрыться, замкнуться, избежать тяжести и притяжения этого взгляда. Но вместо этого я поерзала на прутых узорах, устраиваясь удобнее, перебросила косу за спину и как могла смело посмотрела в ответ.

То, что я ощутила в глубине его глаз, меня обескуражило. Это не было холодом, скорее... надеждой?

– Я хотела с вами поговорить, – прочистила я горло. – Можно задать вам несколько вопросов? Я понимаю, что отвечать вы не обязаны. Но прошу вас ответить.

Келлфер молча поднял подбородок, а затем запустил пальцы себе за пазуху, сорвал что-то с обвивавшей шею под камзолом цепи и так же беззвучно положил предмет на стол между нами. Тот даже не звякнул, словно стол не был каменным. Когда Келлфер убрал большую ладонь, я похолодела:

на столе переливался в свете фонаря тот самый маяк!

Я не поняла, как мне удалось узнать его: до того я запомнила лишь расширяющийся шар света, да и Келлфер в первую нашу встречу стоял от меня очень далеко. И все же это был поисковый артефакт, без сомнений. Станный круглый и одновременно плоский кулон, массивный, выглядящий как гнездо земляных и воздушных переплетений. Вот только в глубине клубка чего-то не хватало.

У меня пересохли губы. Знает. Он знает.

– Что это? – плохо сыграла неосведомленность я.

В ответ Келлфер не произнес ни слова. Вместо этого коснулся артефакта кончиком указательного пальца – и один из маленьких шипов, вставших в ветвеподобную оправу, окрасился кровью.

Тут же амулет ожил. Корявые, угловатые, униженные длинными мягкими шипами белые и темно-бурые ветви задвигались, как могли бы скользить змеи, и все же форма оставалась прежней, несмотря на это движение. За полупрозрачной материей змеино-древесных тел вспыхнула белая искра, почему-то не осветившая ни ладонь Келлфера, ни стол, ни сам артефакт, словно одновременно и существовала, и не оставляла от своего существования следа. Искра вспыхнула ярче, и я поняла, что тянусь к ней.

Я хотела себя остановить. Попыталась сжать кулаки и убрать руки под стол, но не смогла так продержаться и двух секунд – рванулась к маяку в каком-то помутнении. Келлфер

успел первым, и мои пальцы легли на тыльную сторону его ладони. Не помня себя, я попыталась отобрать амулет, процарапать, потянуть его на себя.

– *Иваса*, – сорвалось с моих губ против моей воли.

Режущий заговор скользнул по пальцам Келлфера, не оставив на нем следа. Я потянула руки на себя, но проще было бы сдвинуть гору. Тогда я толкнула стол, все еще пытаясь прикоснуться, и он отлетел как пушинка – похоже, я воспользовалась магией.

– Отдайте, – с яростью прошипела я и тут же выдавила из себя: – Простите! Он мой!

Пальцы ныли от усилия. Я словно пыталась разодрать ногтями камень – на теплой коже Келлфера не оставалось ни малейшей царапины. В пылу борьбы я приблизилась к нему вплотную. Кажется, я шептала поджигающие, разрывающие, ломающие заговоры... Но невесомый, не оставляющий теней свет, льющийся сквозь пальцы мужчины, продолжал оставаться недоступным...

Вдруг Келлфер сжал кулак, и свечение померкло.

– Тебе нельзя его трогать. – Тихий голос совсем не был похож на тот, которым он отдавал приказы.

Словно вся кровь схлынула вниз. В глазах потемнело. Я оглушенно пялилась на его руки – и на свои чуть ли не искореженные от напряжения пальцы с поломанными ногтями поверх светлой кожи. Как во сне, я попыталась потянуть израненные кисти на себя, когда он поймал их в свои, и боль

сменилась теплом.

Я продолжала смотреть на сцепленные руки – такой интимный, кажущийся нежным жест.

Мне конец.

– Прежде чем вы сделаете выводы, дайте мне объяснить.
– Язык не слушался. – Мои родители...

Говоря, я медленно подняла глаза на мужчину – и тут же умолкла, только глаза расширились и рваный выдох осушил и так немые губы.

Он не хотел меня убить.

Он был белее мела, и в его глазах стояли слезы. Нескончаемо долгий момент я не понимала, что происходит, не дышала, не могла двинуться. Существовали только эти потрясающие, широко раскрытые зеленые глаза, кажущиеся за дрожащей влагой громадными.

И мое сердце, похоже, не билось, а затем ударило в ребра так, что я ощутила этот удар в горле, и снова, и снова.

В ветвях каштанов заорала какая-то ночная птица, и я вздрогнула.

– Вы что?.. – почти беззвучно вырвалось у меня, и тут же Келлфер оказался рядом.

Я не видела молниеносного движения, даже дуновения ветра не успела ощутить – только его крепкое, на грани с болью объятие, когда он обхватил мою спину обеими громадными руками, прижимая, почти душа. И снова то чувство, словно меня окатили кипятком и льдом одновременно, обо-

жгло меня всю. Я не могла пошевелиться, только слышала его глубокое, рваное дыхание, как двигался с ним твердый пресс, в который я упиралась животом и грудью, и как мужчина продолжал притягивать меня к себе.

Я попыталась поднять голову, но и это мне не удалось: он прижимался своим лицом к моей макушке не менее крепко, чем всем остальным телом.

– Я так долго искал тебя, – услышала я его похожий на хрип шепот.

Безумная, неуместная мысль – вдруг я его дочь! – бритвой разрешила меня надвое. Нет, не могла же!..

– Я же не ваша дочь, да?

Он даже отстранился. Миг я наблюдала потрясающе не идущее ему обескураженное выражение лица, а затем рот Келлфера дернулся в улыбке:

– Да как тебе это в голову пришло? – выдохнул он, смеясь в голос.

– Ну, я подумала, так рады бывают только потерянным детям, – попыталась оправдаться я, и он засмеялся громче, глядя меня по волосам, целуя в макушку, от чего я застыла как истукан. Только пульс бился в горле, и по всему телу текла эта невероятная лава экстаза, пугающая и не оставляющая кроме себя ничего.

– Конечно, – все еще смеясь, зарылся он носом в мои волосы. – Только детям. Ребенок ты мой.

– Не смешно, – пискнула я, сама почему-то похихикивая.

Наконец, он дал мне вдохнуть. Положил руки на плечи, заглядывая в лицо. И клянусь, я никогда не видела лица счастливее – и красивее. Просто не могла отвести взора. Больше всего на свете мне хотелось, чтобы он поцеловал меня, и плевать на все последствия на свете.

Но Келлфе еще немного отодвинулся и нежно сказал:

– Ты права. Прости. Ты ведь видишь меня пятый раз в жизни.

– И вы меня? – прошептала я неуверенно, пытаюсь взять себя в руки.

– Да, – мягко согласился он. – И я тебя.

Я молчала, ожидая хоть каких-то объяснений, но Келлфер продолжал разглядывать меня.

– Нас ведь увидят, – сказала я первое, что пришло в голову, просто чтобы нарушить тишину.

– Нет, все видят лишь пустой сад. Даже фонарь не горит.

– Хорошо. Наверно.

– Ты боишься меня? – вдруг нахмурился он. – Конечно.

Вместо ответа я взяла его руку обеими своими ладонями.

– Что сейчас произошло? – удалось сформулировать мне вопрос. – Что вы делаете со мной? – добавила я неуверенно, ощущая, как уходит экстаз и вместо него подступает приступ паники.

Теперь я подумала о Теа – и о том, что больше не принадлежу себе. Эта мысль, должно быть, отразилась на моем лице, потому что Келлфер прошептал:

– *Иас.*

И я рухнула ему на руки, засыпая. Последним, что я успела ощутить, было прикосновение его губ к моему лбу.

10. ЧУДЕСНЫЙ СОН

Мне снилось тепло. Будто я свернулась в объятиях кого-то горячего, сильного, жесткого, нежного. Во сне почти что не было меня самой, но я знала, что это по-прежнему я, и что именно меня это пахнущее разогретыми на солнце камнями тепло ограждает от окружающего мира и укрывает от тревог. Я знала, что все теперь будет хорошо, что я в безопасности.

«Теперь я рядом».

И меня любили. И я любила.

«Я дам тебе время».

Это был чудесный сон.

Я проснулась хорошо отдохнувшей, словно и не было бессонной ночи, тяжелого дня, выворачивающего душу разговора с Маром и сбивающих с ног переживаний о том, что же связывает меня с самым страшным и притягательным мужчиной, какого я встречала за свою недолгую жизнь. Сначала я даже не поняла, где нахожусь и почему мне так хорошо – так бывает утром свободного дня, когда только открываешь глаза, а солнце гладит веки и греет щеки, и постель мягкая-мягкая, словно облако, и валяться, потягиваясь, можно сколько угодно...

Вот только за широким квадратным окном, наполовину задернутым зеленым льном, было темно. И постель оказа-

лась не моя.

И усыпил меня Келлфер.

Я тут же села, сбрасывая служившее мне одеялом невесомое покрывало. Созданная с помощью магии – точно не сотканная! – ткань восхитительного зеленого оттенка бесшумно опустилась на пепельно-серый ковер, а я осталась, как была, в платье, лежать на грубом покрывале цвета булата. Промелькнула быстрая тщеславная мысль: оттенок полотна подходит к моим пшеничным волосам, будто подобран специально, – но я тут же прогнала ее.

Погладила пальцами жесткие волокна покрывала кровати – оно было чуть смятым и теплым на расстоянии вытянутой руки, как если бы рядом совсем недавно лежал кто-то еще. Наверно, я перекачивалась во сне.

За окном стрекотали цикады, тикали сверчки, а в остальном тишина стояла густая, как кисель. Камин не трещал, хоть и ощущалась прохлада.

Это безусловно был Зеленый Дол, но пространства я не узнавала. Учитывая, что меня не пускали лишь на верхние этажи главного корпуса – обычно закрытые, они служили покоем для почетных гостей, коих в Обители останавливалось немало, – это могли быть только комнаты бывших правителей Зеленых земель. Когда-то давно, когда этот край не зависел от соседей, здесь располагались спальни герцога, герцогини и их детей.

В этот раз, разумеется, комнаты почившей сорок лет назад

знатной семьи отдали Келлферу.

Я огляделась: обстановка была довольно аскетичной и какой-то бесцветной, словно из нее высосали краски, и уюту здесь служили разве что травяные шторы и пушистый ковер у кровати, да на столе стоял интересный подсвечник, предназначенный даже не столько для свечей, сколько для магического огня: такие плетеные из меди и стали сферы, укутанные слоем дрожащего воздуха, хорошо держали температуру и рассеивали свет. Там же, на столе, лежали стопки книг, чуждые этому простому месту, был раскинут рабочий журнал, открыта чернильница. И стул выдвинут, будто работавший здесь человек только что вышел.

Я медленно села. Спустила ноги с кровати – прямо в мягкие туфли, стоящие у бортика. Ничего не болело. И почему-то было совсем не страшно, хотя, если подумать, стоило бы бежать как можно скорее.

«Он снял с меня обувь, положил под голову подушку и укрыл покрывалом», – беспокойством и радостью отозвалось внутри.

– Ты проснулась.

Я услышала улыбку в голосе Келлфера еще до того, как обернулась на его низкий голос. Он был невероятно красив. Мужественное – и светящееся силой – лицо с правильными чертами. Мужчина смотрел на меня так внимательно, что я ощутила румянец на щеках и отвернулась, делая вид, будто продолжаю оглядываться, чтобы скрыть смущение.

– Вы усыпили меня? – прочистила я горло, тщательно разглядывая стол.

– Ты испугалась, а Теа находилась рядом и направлялась к нам. Я не хотел, чтобы она слышала наш разговор, и проще было унести тебя, чем убедить идти со мной, не привлекая внимания. – Он немного помолчал, словно раздумывая, что можно еще сказать. – Я не причинял и не причиню тебе зла. Для паники нет причин.

Вдруг Келлфер оказался рядом. Я пораженно смотрела, как он присаживается у кровати, у моих ног, продолжая внимательно разглядывать мое лицо, словно искал что-то знакомое. И почему-то все равно смотрел сверху вниз, как если бы я была интересным предметом, который следовало внимательно изучить со всех сторон. Прикоснуться он попыток не делал, но теперь, когда его глаза были напротив моих, я больше не могла игнорировать Келлфера и делать вид, что меня занимают книги, поэтому отбросила смущение и встретила с мужчиной взглядом. И тут же в глубине груди что-то ухнуло вниз, отозвалось страхом, восторгом, желанием.

Вдруг я вспомнила слова хладнокровного Циона, когда он услышал мой лепет о неземной сущности сильных целителей: *«Очарование шепчущих, значительно превосходящих нас в силе – это данность. Ты пока и не можешь смотреть на меня иначе»*. Я быстро освоила тайный язык, и мне перестало казаться, что Цион светится.

Правда, в том далеком, ушедшем со взрослением жела-

нии разглядывать наставника не было нынешней обескураживающей горячей волны, но и Цион и близко не походил на Келлфера и вряд ли имел и тысячную долю его силы. И все же мудрый целитель оказался прав – это внутреннее сияние тянуло, как огонь мотылька, – и мысль о неизбежном очаровании немного отрезвила меня.

Короткое воспоминание о слезах, стоящих в этих острых, глубоких, суровых глазах, показалось бредом. Не мог этот держащий весь мир в кулаке мужчина плакать.

– Чего вы от меня хотите?

– Чтобы ты ушла со мной в Приют, – ответил Келлфер. – Тебе не место здесь, Лариана.

– Потому что я слышу зов трав?

– И поэтому тоже. Я предложил бы тебе обучение в любом случае, только в Приюте Тайного знания твой талант могут ограничить, как бриллиант. Здесь ты похоронишь его, какими бы амбициозными ни были планы Теа на твой счет. Ты могла бы научиться и в императорском дворце, но служащий правителю лекарь не может знать тайного языка на столь низком уровне, что является твоим пределом сейчас.

Он чего-то недоговаривал.

Губы ощущались совсем сухими, слюна на языке – вязкой от волнения, когда я все-таки спросила, садясь на кровать глубже, отодвигаясь:

– Что искал тот маяк?

– Женщину, которая мне подходит, – ответил Келлфер.

Меня поразило, как просто он произнес такие важные, невозможные слова: то, чего я боялась в глубине души, то, что опасалась предполагать и то, во что так хотелось поверить. Сердце пропустило несколько ударов, когда мужчина поднялся и отошел к столу, ничего более не объясняя. Удалось лишь медленно выдохнуть, плотнее просовывая ступни в туфли – и, к моей гордости, вспомнить наставления Теа.

«Даже взрослые люди – как дети. Они более всего хотят обмануться, услышать, что избраны и уникальны, и поверят тут же. Это и поможет убедить их принять нашу помощь. Маленькая уловка – для их собственного блага».

Разве не было очевидно, что я ему никак не могла подходить? Вдруг он, как и Теа, предлагал мне помощь и не хотел, чтобы я отказалась? Только вряд ли столь темный маг рассуждал беззаветными категориями блага, как добрая и светлая Теа.

Келлфер предлагал мне уникальность на блюдечке. Увидел, что я смотрю на него, как замороженная, и на словах решил уравнивать нас. Об этом следовало спросить наставницу. Она точно знала, каких подвохов можно ожидать от Приюта. И даже если Теа рассказывала не все, ее я знала всю свою сознательную жизнь – и верила ей куда больше, чем холодному директору, цинично играющему настолько важными чувствами и пользующемуся мнимой влюбленностью.

Он не учел одного: рассказывая об основных принципах магии, Теа объясняла нам, что заглянуть в будущее невоз-

можно, а единственным подтверждением того, что люди подходят друг другу, могла служить лишь истинная связь, подделать которую не удалось бы даже Келлферу. Куда там артефактам-маякам, ищущим лишь *уже существующие* связи!

Значит, директор Приюта Тайного знания счел меня не знающей основ недотепой и решил играть на этой глупости. Избранная великого мага, как же.

– Ты помрачнела, – заметил Келлфер, и мне показалось, что его голос чуть дрогнул. – Эта мысль неприятна тебе?

– Я благодарна вам за предложение учиться в Приюте, – вежливо ответила я, вставая. – Но не брошу учеников здесь. Мне нужно посоветоваться с Теа.

Мне показалось, в его лице что-то поменялось, когда он иронично уточнил:

– Только пару часов назад ты хотела посоветоваться со мной.

Я не нашлась, что ответить. И правда, вопросы насчет Теа и Хранителя ключей рвали меня изнутри, и все же сейчас казалось, что ни слова правды этот человек мне не скажет.

Обвинять его во лжи или объяснять, почему я не верю, было бы очень глупо. К тому же оскорбить главу самого сильного магического ордена континента я бы не решилась.

– Да, я хотела спросить вас о Хранителе ключей, – сказала я правду. – Не понимаю, почему он вывел меня, не дав учиться, а теперь вы зовете лично. Многих моих знакомых на порог Приюта не пустил именно Хранитель. Я хотела знать, мо-

жет ли он увидеть подступающее безумие.

– Многих? – чуть сощурился Келлфер. – Или всех?

– Я не знаю, – соврала я.

Что-то внутри кричало: не доверяй!

– Спасибо, – неожиданно поблагодарил меня мужчина. –

Это как раз то, о чем не рассказала бы Теа.

Мне показалось, меня ошпарили. Чувство вины, бессилие захлестнули с головой.

– Значит, вы специально, – тихо проговорила я, пряча взгляд и направляясь к двери. – А я просто идиотка, что послушала вас. Хорошо. Понимаю. Куда мне...

– Подожди, – преградил мне путь Келлфер, и я снова ощутила неуловимое движение воздуха вокруг его плеч, а с ним – отдаленный аромат камня. – Сначала выслушай меня.

Я отступила, но он двинулся за мной и неожиданно мягко коснулся моего плеча, словно успокаивал. Тепло его ладони снова родило во мне ту сильную жаркую дрожь, но я застыла, боясь шевельнуться, ощущая пульс между нами. В лицо я Келлферу не смотрела, боясь снова утонуть в очаровании его силы.

– Вы использовали меня, я понимаю, – выдавила я из себя.

– Это так, – не стал юлить Келлфер, что очень меня удивило. – Но я не сказал тебе ни слова лжи, Лариана.

– Зачем вы принесли меня сюда? – наконец набралась я смелости. – Вы наложили на меня какие-то заговоры? Поэтому я рассказала вам? – И уже намного тише, отчаянно

добавила: – Пожалуйста, ответьте. Знаю, что не обязаны.

– Ты хочешь, чтобы это оказалось так, – с пониманием протянул Келлфер. – Чтобы это я, злодей и разрушитель, поселил в твоей голове подозрения. Но сомнения – твои, а не мои, Лариана. Ты смогла услышать то, что я говорил тебе, тогда как большинство верных до мозга костей наставников, этих оболваненных Теа глупцов, пропустили мои слова мимо ушей и лишь возненавидели меня сильнее. Она – великая целительница, почти знаток разума. Вы воспитаны Теа в ненависти к Приюту, в верности ей самой, и все, что вы осознаете, проходит через созданный ею фильтр. Я рад, что твой оказался не столь непроницаем. Теперь, как и прежде, говорю тебе прямо: Теа сознательно лжет вам о том, что шепчущие сходят с ума, чтобы вы были ей благодарны и верны, и чтобы ненавидели Приют. Она лжет не только вам, а создает целую армию верных ей должников и последователей. Верных настолько, что готовы отдать за свою благодетельницу жизнь. Ты слышишь это?

Я ошолбенело уставилась на него. Кажется, я понимала, о чем он говорит, но эта мысль текла, изменялась, рассеивалась. Как мог Келлфер обвинять мою наставницу?! Единственную, кто не побоялся бросить вызов Приюту и кто посвятил свою жизнь спасению больных!

Похоже, возмущение все же отразилось на моем лице, потому что Келлфер легко тряхнул меня:

– Ты помнишь, что я только что сказал? Ответь.

– Я помню, – выдавила я из себя.

– Повтори.

– Вы считаете, что Теа ненавидит Приют, – выдохнула я.

– И что нам внушает ненависть.

– Как?

Я не понимала, чего он от меня хочет. Сердце снова зашлось глухим боем, грозя вырваться из груди, и даже в глазах потемнело. Я прикусила кончик языка, чтобы привести себя в чувство, но легче не стало. И снова красивое, безвозрастное лицо оказалось совсем близко, будто Келлфер чего-то отчаянно желал. В глазах плескалось беспокойство.

Мужчина еще что-то говорил, но я не понимала его.

– Я больше не предам Теа.

– Я вижу, – медленно проговорил Келлфер, и мне показалось, будто вокруг него от ярости дрожит воздух, еще страшнее, чем на празднике. Кажется, ощутила влагу на щеках, машинально вытерла слезы пальцами, а Келлфер поймал мою кисть в свою, похожую на стальные тиски, хватку. – Не плачь. Мы пойдем к твоей наставнице сейчас же. Я больше не позволю ей делать это. Не с тобой.

11. ИЛЛЮЗИЯ

Теа жила в отдельном маленьком домике. Раньше он использовался под инвентарь. В этом была вся Теа – отдавала прекрасные покои гостям, а себе оставила пусть и переделанный и ставший благодаря ее усилиям уютным, но все же простой служебный домик, лишенный любого лоска.

За защитным кругом, ограничивающим небольшой садик, было видно, что Теа у себя: оба окна светились красным от занавесок сиянием.

Каждый из нас бывал здесь не раз – сидел на простой деревянной скамье среди степного маральника и говорил с наставницей по душам. Теа всегда готова была поддержать и выслушать нас, какой бы мелкой нам самим ни казалась наша проблема...

Я привычно остановилась перед кругом, но Келлфер просто шагнул внутрь, не сбавляя темпа движения, и свет контура погас, погрузив сад в темноту, – и тут же взорвался визгом, оборвавшимся спустя пару мгновений.

Хоть так. Значит, Теа ждала нас.

– Я здесь ни при чем, – сказала я с порога, когда наставница невозмутимо поднялась нам навстречу. Она была одета в рабочее платье из льна оливкового цвета, и волосы по-прежнему убраны под ворот, как и всегда. Спать Теа явно не

ложились.

На низком столике громоздились десятки свитков. Разлившийся под потолком магический огонь освещал комнату целиком, не оставляя темных углов. Необычный цвет придавал всему вокруг красочности: чаще всего маги использовали голубой, а Теа – только оранжевый, похожий на свет закатного солнца.

У нее было жарко: маленькая, похожая на походную, печь дымила. Как и все уроженцы Красных земель, Теа любила тепло, предпочитала сидеть на коврах и подушках, а не в креслах, и не загромождала пространство мебелью, оставляя много воздуха. Светлые тканые гобелены с простым повторяющимся рисунком скрывали деревянные стены, ткань же слегка колебалась под потолком. Наставница говорила, что это напоминает ей шатры степняков, и что любит простоту больше, чем роскошь.

Наша Теа.

– Я знаю, Лариана. Келлфер, зачем ты пугаешь девочку и вытягиваешь ее в наши дела? – мягко улыбнулась мне наставница. – На ней же лица нет. Я так понимаю, это срочно, раз ты пришел посреди ночи?

– Ты приведешь ее в чувство немедленно.

Келлфер был чужд этому простому теплему пространству. Словно сотканный из холода, строгости, черно-серого цвета, он выглядел инородно и угрожающе.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь. Но раз твой тон так

изменился, а из всего подобранного мной сброда – твои слова! – ты выделил Лариану, значит, уже знаешь о ее таланте, – улыбнулась целительница совсем не идущей ее благородному лицу холодной усмешкой. – Она нужна вам, но она моя.

– Ты заигралась, Теа. Я тебе не какой-нибудь облеченный властью мальчишка. Отпусти Лариану, чтобы спасти свою жизнь. Сейчас.

И Келлфер протянул руку вперед. Вспыхнул бессловесный заговор, и хотя я слышала попытку Теа защититься, широкая, светящаяся огненными знаками полоса легла на горло женщины ошейником, с шипением паля заправленные в ворот платья косы. Я вскрикнула, прижимая ко рту ладони, бросилась к мужчине, но что-то не дало мне сделать и пары шагов, будто сама древесная плита пола поймала меня. Я попробовала вымолвить заклинание, но из горла донесся только писк.

– Я не знаток разума, – отшатнулась женщина, гордо не пытаясь снять ошейник. – Я ничего не могу поменять в ее разуме. Все выводы, к которым пришла Лариана – ее собственные. Она знает, где зло, а где добро, а ты предлагаешь мне извратить для нее эти понятия в угоду тебе и твоему желанию обеспечить Приют еще одним карманным талантом и полезным слугой.

Говоря это, Теа смотрела не на Келлфера, а на меня. Огненные символы загорались под ее подбородком, я почти видела ожоги за неровными штрихами, но сама целительница

даже руки к шее не поднимала, продолжая бросать Келлферу вызов, непоколебимая, как и всегда.

Я вместе с ней проникалась злостью. Теа была тысячу раз права: не буду я прислуживать в ордене ни за какие знания! Не после этого. Никогда.

– Мы оба знаем, как ты довела их до такого уровня верности, – шелестящий голос Келлфера наполнял покои, стелился по полу, отражался от стен, будто мужчина находился и у стен, и у окон, и у двери. – Как и что меня Лариана не услышит, а ломать ее я не хочу.

– Это не магия, – развела руками Теа. Мне показалось, что сквозь ее прожженную седину и черты пожилой женщины проступает огонь волос и жесткость черт, не смягченных возрастом. Говоря, она делала небольшие шаги назад, словно искала какой-то выход. Вот наставница сошла с коротковорсного ковра на дерево, по доскам шелкнули каблуки сапог. Между ошейником и кожей вился воздух, которым она защищалась от жара. Темные глаза ее мерцали.

Она была какой-то другой. словно шлейф благородного спокойствия и благожелательности вдруг рассеялся. Теперь ей пошел бы меч, а не заживляющее раны полотно. И в движениях почти не осталось уверенного величия.

И она не казалась светлой.

И все же это была Теа. Напуганная, ошетинившаяся, но моя наставница. Сейчас, когда Келлфер угрожал ей, я была готова наброситься на него со спины, если бы меня не дер-

жали.

– Я вижу, – встал между нами Келлфер. – И признаю твою искусность. Но до того ты не переходила мне дорогу. Теперь – перешла.

– Обитель и Приют существовали и могут существовать...
– начала было Теа, но Келлфер грубо перебил ее:
– *Мне*, Теа.

И тут наставница окончательно отступила. Я увидела, как ее глаза дрогнули, и как с болью она сжала губы. Теа посмотрела на меня с грустью, будто желая предупредить – и я поняла ее без слов. Я кивнула, чтобы она знала.

Не слушать. Все, что она скажет сейчас – лишь ложь под угрозой расправы.

– Лариана, девочка моя, – нежно обратилась наставница ко мне. – Тебе лучше будет в Приюте. Многое из того, что я рассказывала о нем, преувеличено. Келлфер не даст твоему таланту пропасть. С ним ты в безопасности.

Я кивнула, а сама сжала зубы так, что в ушах стоял гул.

Затем перевела взгляд на Келлфера и увидела, что он с ухмылкой качает головой.

– Ты в шаге от смерти, Теа, – тихо предупредил он наставницу, и мое сердце сжалось от страха. Но Теа, наоборот, распрямилась. Воздух, которым она окутывала ошейник, рассеялся, и я снова слышала шипение, теперь уже плоти. Запахло жженым белком.

– Мы оба знаем, ты не убьешь меня, ведь твоя Лариана

это увидит. И возненавидит тебя. Она уже ненавидит тебя за то страдание, что ты причиняешь мне.

– Я даю вам четверть часа. Если после этого Лариана не согласится уйти со мной в Приют, ты умрешь.

Ноги, наконец, отлипли от пола, да и горло перестало пусто свистеть. Радостная, я рванулась к наставнице, но Келлфер молча перехватил меня по пути. Его сильная рука легла поперек моей груди, пальцы сжали плечо, и он притянул меня к себе спиной, вместе со мной отступая в угол, к печи. Я попыталась оттолкнуть его, но мужчина наклонился к моему уху:

– Смотри, – шепнул он мне.

И когда я обернулась, чуть не осела в его руках от ужаса. Я видела себя, как если бы душа моя покинула тело, и я могла наблюдать все со стороны! И Келлфера, уходящего, закрывающего за собой дверь.

Пораженная, непонимающая, я наблюдала за Ларианой: как та подбежала к Теа, машинально отбросила назад растрепанную косу и попыталась заклятием снять полосу огня. И шепот мой был настоящим! И заговор сработал: символы на ошейнике померкли, и Теа сорвала с себя смертельную ловушку, задыхаясь.

– Теа, как вы? – испуганно, моим голосом воскликнула Лариана. – У вас ожог!

– Ничего, – сквозь силу улыбнулась ей целительница. –

Это почти не больно. Я легко залечу его. Не волнуйся.

И Теа обняла Лариану, как мать может обнять дочь – тепло, уверенно, ласково, покровительственно, успокаивающе.

– Спасибо, моя девочка, что не предала меня, – проговорила наставница глубоким шепотом, поглаживая Лариану по спине. – Он страшный человек. Его нужно будет послушаться. Уходи с ним сейчас, но скоро ты вернешься ко мне.

Лариана вдруг заплакала, и Теа крепче прижала ее к своему плечу.

И я ощутила на собственных глазах слезы.

– Что, ради Света, происходит? – проговорила я. И крикнула в панике: – Теа!

– Не надо, – раздался над ухом голос Келлфера. Вдруг я поняла, что во всей нереальности происходящего жар его тела, живота и груди, к которым я жалась спиной, вполне осязаем. И что он держит меня очень крепко, пусть и аккуратно. – Мы скрыты завесой. Она нас не видит.

– Это я... Я здесь или там? – выдохнула я.

– Ты здесь, со мной. – Его низкий голос обволакивал. – Не нужно бояться. То, что ты видишь – созданная мной иллюзия. Я направляю ее.

Иллюзия! Я слышала, что один из директоров Приюта – великолепный иллюзионист, но и представить не могла, что иллюзии могут выглядеть так достоверно. То, что показывала когда-то изучавшая это искусство Иловирис, дрожало и размывалось и имело обязательную основу, которую и пе-

рекрыть-то не могло. Я думала, иллюзия – вроде миража, неустойчивая, мягкая, как дым.

Но я видела себя! От складок на юбке, растрепанных волос и туфель с чуть смятыми задниками до моего, тысячу раз виденного мною в зеркале выражения лица, вплоть до небольшой морщинки между бровями!.. И голос – почти мой! И Теа обнимала меня, ее пальцы мяли рукав моего платья, а значит, оно было осязаемым даже для нее.

Не знай я точно, что знатоков разума на континенте не осталось, подумала бы, что кто-то задался целью свести меня с ума.

– Зачем это нужно?

– Ведь ты решила, что все, что скажет тебе Теа, будет ложью, – негромко ответил Келлфер. – Но так ты увидишь намного больше и, надеюсь, поймешь. Считай это увлекательным экспериментом. Она считает, что я оставил вас наедине, но конечно же, слежу. Однако дело не в том, что Теа будет играть для меня. А в том, что она сыграть не сможет. Смотри внимательно, Лариана.

– Это неправильно.

– Что ты теряешь? – снова прошептал он. Я ощущала дыхание у своего виска, но сейчас оно не пьянило меня. – Ведь если ты права, с тобой или с иллюзией тебя Теа поведет себя благородно, что лишь докажет ее доброту и мою лживую природу. Верно?

– Да, – тихо согласилась я.

Меня била дрожь. Келлфер пошевелился – и вдруг я поняла, что он не просто удерживает меня, но и заворачивает в плащ. Вот только Келлфер не носил плаща поверх камзола. Но теплее мне и правда стало.

– Теа, я не понимаю, – разрезал напряженную тишину голос Ларианы, непривычно высокий, совсем не такой, каким я привыкла его слышать. – Что мне делать? Как вернуться?

– Дай мне немного времени, деточка, – похлопала Лариану по спине целительница. – Келлфер думает, что сломит нас, но это не так.

– Почему вы не предупредили учеников? – Голос иллюзорной Ларианы дрожал совсем как мой. – Их же нужно спасать!

– Неужели ты думаешь, что я отдала бы их на смерть? – пожурела Лариану Теа. – Я не могу сказать тебе всего, ты же понимаешь, – понизила она голос. – Келлфер нас слушает.

– То есть они не умрут? – уточнила Лариана.

Теа укоряюще покачала головой.

– Но ведь наставники не знают! Почему же они молчат!

– Они все делают правильно, потому что я приказала им. Не забивай голову этими вопросами. Мы справимся.

Она поднялась, а моя копия осталась сидеть на полу, свернувшись в позу ребенка. Теа медленно и устало прошла к столу и налила в высокий стакан воды из тяжелого графина. Ожоги на ее шее желтели и чернели.

– Могу я вас еще спросить? Я... простите меня. – Лариана очень натурально мяла в руках край верхней юбки. – Я не понимаю. Почему всех нас, кто сошел с ума, не пустили в Приют? Почему это был именно Хранитель ключей? Он выдворил меня, и Маррала тоже. Как будто знал. Как будто вы с ним договорились.

Теа резко обернулась. Некоторое время она смотрела на Лариану, потом мягко – но за этой мягкостью послышалась сталь! – уточнила:

– Это тебе сказал Келлфер? Насчет Хранителя?

– Нет, я спросила Маррала. Сумасшествия не существует, да? Прошу, скажите правду!

– Ты говоришь словами Келлфера, – заметила целительница, медленно приближаясь к Лариане. Стакан в ее руках блестел, как клинок.

– Он мне говорил об этом, да. Я только что поняла, что он прав. Вы обманывали нас?

– Лариана, я бы не стала.

– Но если это ложь, то что правда?!

– Не спеши с выводами. Ты обсуждала свои предположения с другими наставниками?

– Нет, – сокрушенно покачала головой моя копия. – Думала, это я что-то не понимаю. Но я скажу им. Они должны знать!

Скорбь, исказившая лик Теа, ранила меня в самое сердце. Еще бы! Она и правда думала, что я предала ее!

Но тут Теа простерла над головой девушки руки. И тяжелым от слез голосом сказала, словно ее сердце рвалось:

– Прости меня, Лариана. Я не могу рисковать сейчас. И действительно надеюсь, что ты придешь в себя. Келлфер в таком состоянии тебя не оставит. Но это займет время, и это время ты не будешь смущать умы остальных. Мне так жаль, что от переживаний твое безумие вернулось! Я научу Келлфера лечить его, обещаю, и через пару лет ты проснешься в Приюте.

– Нет! – облик Ларианы исказился болью, и она схватилась за голову. – Нет! Больно!

– Больно? – присела рядом с девушкой Теа. – Что с тобой происходит? Ты не должна ощущать боль, лишь...

Она охнула и отшатнулась. Я видела, как побледнело и исказилось яростью красивое смуглое лицо.

– Келлфер! – выкрикнула Теа в отчаянии. – Келлфер! Это иллюзия!

Вдруг Лариана перестала плакать, а села прямо и холодно, зло улыбнулась:

– Понятия не имею, как ты сводишь их с ума, тут ты меня подловила, – прозвучал мой и одновременно совсем не мой голос, и даже у меня самой мурашки пошли по спине. – Впрочем, и этого достаточно.

И Лариана растаяла, словно ее и не было.

Теа сидела на полу и открывала рот, как выброшенная из воды рыба. Я глядела, как ее глаза наливаются слезами, как

окончательно слетает прочь пожилой облик, обнажая гордое
лицо степнячки, как по полу от ее ярости идут трещины, как
дрожат стены, рвется ткань, искрит печь...

.
И верила в то, что увидела.

12. «ВЫ УНИЧТОЖИЛИ МОЙ МИР»

Снаружи было холодно, словно не лето стояло на дворе, а поздняя осень. А может, мне только показалось, что ветер пробирает меня до костей, остужая даже комок солнечного сплетения, который я всегда ощущала собственным центром тепла.

Келлфер попытался поддержать меня, когда я чуть не упала, споткнувшись об ограждавшие клумбы камни, но я тут же выпустила его горячую руку, машинально восстанавливая равновесие.

—Вы не могли бы дать мне немного побыть одной? — Моего опустошенного разума даже хватило на вежливость.

Не слушая ответа, я сделала несколько неуверенных шагов вперед, в темноту сада. Стояла наполненная пением птиц и скрежетом цикад тишина, а мрак холодом заливал мои привыкшие к свету магического огня глаза.

Словно я вся состояла из насквозь промерзшего дерева, с трудом подняла руки и запустила пальцы в волосы, показавшиеся мне по-чужому мягкими, с силой провела ото лба к вискам, натягивая пряди до боли. Почему-то мне почудилось, что ситцевая лента, которой я переплела косу, слишком стягивает ее и душит меня, и я начала выпутывать, а по-

том и выдирать бант, разрывая волоски, пока не швырнула всю ленту себе под ноги, как дохлую белую змею.

Я остоленело глядела на нее – светлая полоса на черной траве, – и вдруг поняла, что распущенные теперь волосы липнут к щекам. Я беззвучно плакала.

Ноги не держали. Я тихонько опустилась на валун, у которого росла душистая мята – любимая трава Теа, аромат которой сейчас вызывал тошноту, – и вцепилась бесчувственными пальцами в шершавый камень. С отвратительным скрежетом провела по прожилкам ногтями, от чего меня передернуло, и закрыла глаза. Кажется, пошатнулась, заваливаясь назад – и уперлась в Келлфера.

Он тяжело положил мне руки на плечи и, ничего не говоря, застыл так. От ладоней мужчины распространялось тепло – оно текло по шее, ключицам и вниз, к животу. Я позволила себе откинуться назад еще, только подбородок прижала к груди, чтобы не видеть лица того, кто только что разрушил все, во что я верила – и спас меня.

Почему-то присутствие Келлфера придавало мне сил. И спине уже было не холодно.

Мужчина молчал – ждал, пока что-то скажу я или не хотел разрушать тишину. Мне хотелось обвинить его, закричать, с издевкой спросить, почему он не смеется надо мной, такой дурочкой, но вместо этого я тихо прошептала, не обвиняя:

– Вы уничтожили мой мир.

– Мне жаль, – донесся сверху его негромкий голос. – Од-

нако могу предположить, что суть твоего мира не была в служении одному месту. Ты можешь наполнить жизнь другим смыслом.

– Я была счастлива здесь, – медленно проговорила я.

– Ты будешь счастлива и в других местах, – предположил он. – У тебя впереди вся жизнь.

– Ничего больше чувствовать не могу, – срывающимся на плач шепотом возразила я.

Я не видела лица собеседника, и мне казалось, что я спорю то ли с темнотой, то ли с чем-то внутри меня самой.

Келлфер пошевелился. Затем я на миг потеряла опору – он наклонился ко мне, обнимая сзади. Рука скользнула по голой коже шеи, по плечу. Это был поддерживающий жест, в котором не было похоти.

– Это не так, Лариана.

Его лицо почти касалось моего затылка. Вот ветер взметнул пряди вверх, мазнув меня ими по носу, и мне даже показалось, что они темно-рыжего цвета, но потом я вспомнила, что он собирает волосы заговором.

Тогда я обернулась – и Келлфер оказался совсем рядом.

– Я ненавижу вас? – спросила я, отчаянно глядя в его глаза.

– Нет, – тихо ответил он. – И ты не ненавидишь Теа, даже если сейчас думаешь так. И это место. И себя, ведь ты не совершила ошибки, решив посвятить свою жизнь исцелению и помощи людям. Ты просто потеряна. Но твой мир – это ты.

И ты осталась собой.

Я сморгнула слезы, пытаюсь осознать его слова.

– Вы сейчас предложите мне другой смысл? – горько спросила я Келлфера. – Как когда-то Теа. Объяснила мне, как ребенку: вот зло – вот добро. Теперь вы скажете, что все иначе.

– Не скажу. – Келлфер убрал танцующий у кончика моего носа локон. – То, что вы делали здесь – реально. Ты – лекарь, и по таланту, и по призванию. Я не дам тебе ответов, потому что ты знаешь, что есть добро, лучше меня.

И с этими его словами я ощутила такую пронзительную благодарность, что слезы снова хлынули из глаз. И тогда мужчина снова прижал меня к себе, только теперь похлопывая по спине, как маленькую, а я плакала, плакала, плакала...

Обо всем. О лжи человека, которого считала святым, о разрушении моей веры в безопасность. Об Обители отвергнутых, о моих друзьях, до самых печенок верных сломавшей их Теа. О том, что я не могла их всех ненавидеть, ведь мы стольким помогли... И о том, что своего места в жизни я больше не знала.

А Келлфер лишь гладил меня по волосам.

И когда я отстранилась, он посмотрел на меня без жалости и презрения.

– Я не знаю, что мне теперь делать, – больше себе, чем ему, сказала я. – Спящие в сфере ведь не виноваты. Я не могу уйти.

– Этому месту осталось существовать лишь несколько

дней.

Эта мысль своим чудовищным значением разом перекрыла мои страдания. Я вспомнила, как он собирался поступить, и мне стало стыдно, что я трачу время на оплакивание своей участи.

– И вы убьете их? – промолвила я, все так же глядя в зеленые глаза. – Как убили бы меня, если бы я не была лекарем и не...

– Я бы не убил тебя, – твердо перебил меня Келлфер. – Что касается остальных, так будет вернее.

– Но почему вы не даете им шанса, как мне? – прошептала я отчаянно, уже понимая, что переубедить шепчущего у меня не выйдет. – Давайте им расскажем про сумасшествие, что это все Теа устроила.

– Ты переоцениваешь их стремление узнать правду и недооцениваешь Теа.

– Но вы можете... Как со мной...

Келлфер чуть приподнял брови.

– Даже купишь Теа снова, в чем я сомневаюсь, я не стал бы возиться с каждым ничтожным культистом. Моя цель здесь – не спасти несчастных.

Он поднялся, и вдруг я увидела пропасть между нами, ощущение которой исчезло несколько минут назад. Конечно, он пришел не вызволять нас из беды и не рассказывать правду, а забирать полезные инструменты – в этом Теа оказалась права. Келлферу было плевать на нас, и даже то, что

спас меня, и сейчас утешал, обнимая, ничего не меняло. Келлфер сказал, что я не потеряла своей сути, несмотря на доверие неверному авторитету – и он так же не изменялся в своей природе, какими бы благими ни казались его дела.

Темный.

А мы для него – ничтожные культисты.

Я вытерла уже остывшие и наполовину высохшие слезы и попыталась найти другой аргумент:

– Они очень талантливы. Я говорила с ребятами, они все до прихода в Обитель умели удивительные вещи. Вы же поэтому взяли неделю на раздумья, чтобы убедиться? Я могу рассказать вам об их особенностях. Они все стоят того, чтобы потратить на них время.

– Рад, что ты пришла в себя.

– Что вы имеете в виду?

– Что ты снова нашла, кого спасать, и тут же почувствовала опору под ногами, светлая целительница. Однако это не дискуссия. И я сэкономлю тебе время: на каждого ученика и наставника я поставил магическую метку, так что как бы далеко они ни убежали и как бы хорошо ни спрятались, я найду их.

– Но чем они мешают вам? – не сдалась я.

Келлфер не ответил. Вместо этого протянул мне руку:

– Ты уходишь со мной.

– Зачем? Теа знает, что та Лариана была иллюзией, она меня не подозревает. Я хочу остаться здесь и попытаться об-

разумить остальных. Мне они могут поверить.

– Теа не глупа, так что тебе здесь оставаться опасно. К тому же уже через пару часов тебя возненавидят даже твои друзья. Типично для подобных общин.

Я не понимала, о чем он говорил. Встала, не принимая руки,правила платье. Вдруг стало неприятно, что я растрепанная и зареванная, как ребенок.

– Мне нужно предупредить других помощников.

– Теа сделает это вместо тебя.

– Собрать вещи, – отчаянно цеплялась я хоть за что-то.

Мысль о том, чтобы выйти за периметр, как до того вышли Ула и Иловирис, пугала меня. Как я могу не вернуться? Не увидеть Мара, не попрощаться с Элькой, не обнять Джаису?

– Купишь все в Цветочной долине. Я перемещу тебя к Циону и Уле, они все еще там. Как и ты, отказались уходить. Так тебе будет спокойнее?

13. ОТСТУПНИКИ

Мы с Улой и Ционом сидели на одной из многочисленных уютных террас, выходящих к самой воде. Тут, на набережной быстрой и полноводной Арканы, не знавшие забот и бедности хозяева едален пытались перещеголять друг друга, устраивая свои заведения с размахом и фантазией: чуть дальше по течению расположился «Дворец изумруда», где громадные валуны, служившие и ножками столов, и ограждениями, были крупно огранены и окрашены в глубокий зеленый цвет, а за ним – «Полет мотылька», украшенный легкими узорными полотнами, дрожащими и переливающимися на ветру звенящими, вплетенными в нити зеркалами, а еще дальше – красные шатры «Оазиса», так любимого степняками.

Мы же выбрали «Дом светлячков» – замечательное место, где по углам плавучей платформы поднимались вверх искусные копии громадных деревьев со сплетающимися над нашими головами кронами, только вот их созданная из ткани кора вихрилась необычными узорами и прятала в себе желтые огоньки. Здесь было невероятно красиво вечером, но и сейчас очень хорошо, восхитительно прохладно: с воды дул освежающий ветерок.

Солнце жарило где-то в вышине, но мы устроились под одним из столбов-деревьев и спрятались от горячих лучей, и

только потягивали холодный травяной напиток, жмурясь на искрящуюся воду.

Это был бы чудесный и счастливый летний день, если бы не изводившие нас тревоги. Ула говорила, «Дом светлячков» был почти родным: именно здесь собирались наставники Обители, когда посещали город, и ноги сами привели Улу и Циона в привычную обстановку. Я тут раньше не бывала – помощников обычно не приглашали.

Хозяйка хлопотала вокруг нас, нахваливала Теа и рассказывала, как совсем недавно Обитель помогла излечиться от стылого пота ее старшему сыну, которому все пророчили быструю смерть. Она улыбалась – и мы вымученно улыбались, будто и не были предателями.

– Ты тоже об этом думаешь? – тихо спросила меня Ула, когда женщина упорхнула, и мы остались на платформе одни. – Что Теа спасла жизни тысячам людей. Я первую ночь спать не могла, думала только об этом. Что меня изгнали из чего-то по-настоящему огромного и доброго, полного смысла.

Ула была очень юной и доброй девушкой. Родом из Коричневых земель, задумчивая, тихая, неброская, но полная глубины, проступавшей через мягкие черты, она обычно отличалась молчаливостью и крайней скромностью. Ула была младшей из наставников, но вела одну из старших групп учеников. Ходили слухи, что она еще даже не отработала время присяги – платы служением за обучение в Приюте. Впрочем,

я бы не удивилась, если бы она оказалась гениальным шепчушим, заговорившим на тайном языке вдвое быстрее, чем остальные.

Ула не любила внимания. Она не носила ярких роскошных платьев, как Иловирис, не завивала волосы, как Элька, избегала шума праздников. Во всем ее облике – длинных русых волосах, грустных серых глазах, расслабленно приоткрытых светлых губах, – сквозили естественность и тепло. Ула, наверно, думала, что так сливается с толпой, не понимая, что светится изнутри.

Мне она очень нравилась. Сейчас казалось, что когда Ула, верная идеалам Обители, подняла руку на том собрании, во мне и поселились первые сомнения, которых я еще тогда не могла осознать.

– Теперь я сомневаюсь во всем, что делала, – вздохнула я, вглядываясь в блики на беспокойной воде. – Это не дает мне спать. Что я следила за сферами, которые лечили тех, кого Теа свела с ума.

Цион отставил от себя пустой стакан, в котором влажными алмазами сверкал лед. Мне показалось, что он с беспокойством посмотрел на Улу и ответил скорее ей, чем мне:

– Какими бы мотивами Теа ни руководствовалась, по ее приказам вы творили добро. Каждый вылеченный вами человек был ранен – а сейчас жив, каждый ученик обучен. Не вижу причин сомневаться в себе.

Слова Циона ощущались окончательными, вескими. В

противовес Уле, он был старшим из наставников – и доверенным лицом Теа. К нему даже его коллеги обращались на «вы», а ученики и вовсе робели под тяжелым взглядом. Его взметнувшаяся вверх рука на том собрании, если подумать, означала даже больше, чем Улы. Почему мне не приходило это в голову раньше?

– Нами? – переспросила я. – Вы не относите себя к нам?

– Долгое время я исполнял поручения Теа, не будучи слепым, как вы. Однако сейчас, когда эта лодка идет ко дну, я предпочту связаться с Приютом Тайного знания, а не потонуть вместе с ней, – спокойно ответил Цион.

Рядом с теплой Улой он казался воплощением холода: плотное серебристо-голубое одеяние, в котором мужчине почему-то не было жарко, белоснежные, как и у большинства пурпурноземельцев волосы, ледяные голубые глаза, светлая кожа, какая-то величественность в жестах. Даже голос его казался прохладным, как ветер.

Я глядела на него во все глаза. Лучший целитель, если не считать самой Теа, что я знала, похоже, разделял наши взгляды лишь отчасти. Но ведь и Теа не была слепой! Неужели она понимала, что холодный, спокойный и такой надежный Цион не верит в идеалы Обители?

«Да что ты знаешь о настоящих идеалах Обители?» – зло поправила я себя.

– То есть для вас исцелять больных не так важно?

Ула тяжело вздохнула и отвернулась к дереву. Пальцы ее

гладили переплетения перил террасы.

– Мои взгляды мало что меняют, – пожал плечами Цион.

– Расскажите Лариане то, что рассказывали мне, пожалуйста, – попросила его Ула.

– Ты говоришь об указаниях Теа. – Целитель не спрашивал. – Не вижу смысла, Лариана и так здесь.

– Что за указания? – выдохнула я. Внутри змеей сжалось предчувствие.

– Она требовала у именитых клятвы. Давала инструкции, как убедить их дать эти клятвы. Вплоть до... – Голос Улы дрожал. – До того, чтобы ухудшить самочувствие. Только, – поспешно спохватилась она, увидев мое лицо, – всегда всех вылечивала, даже тех, кто отказывался! Всегда.

– Вы об этом знали?! – обратилась я к Циону. Меня трясло, почти как тогда, в ночном саду, в объятиях Келлфера. – Вы ничего нам не сказали!

– Вместо этого я поставил в известность Келлфера, – холодно отозвался Цион.

– Почему? Теа же доверяла вам?

– Потому что увидел, что этот культ обречен. Теа – экстраординарный человек. Но она слишком много власти хочет сосредоточить в своих руках. Если бы она при этом не беспокоилась об аморфном благе и рассуждала бы исключительно ясно, я готов был бы поставить на нее. Но она разочаровала меня.

– Как? – Губы плохо слушались.

– Своей идеалистичностью.

– Вы предали ее, потому что она слишком добрая? – переспросила я.

– Теа не светлая, если ты говоришь об этом.

Ула встала с кресла и оперлась на перила. Ветер трепал ее легкие волосы и простое белое платье – мы все носили такие. На Циона она не смотрела.

– Мы все для наставника Циона – глупые светлые целители, – прошептала Ула куда-то в сторону реки. Мне показалось, что в ее голосе звучат слезы.

– Я не считаю вас глупыми. – Целитель жестом подозвал хозяйку, и она, почтительно склонившись, наполнила его стакан зеленой жидкостью, а потом бесшумно убежала. – Вы выбрали уязвимую идеологию. Не передергивай, Ула. Если бы не я, тебя бы здесь не было.

– Да, – согласилась девушка. – Спасибо. – Она повернулась ко мне: глаза и правда блестели влагой. – Наставник рассказал мне об этом перед собранием. И о планах Келлфера. Мы пытались убедить остальных, но нас не слышали.

– Это я понимаю, – невесело усмехнулась я. – Келлфер говорил, что попытался образумить каждого. Думаете, Теа нас как-то заговорила?

– Нет, – качнул головой Цион. – Это не нужно. В верности вы поддерживали сами себя и друг друга. Разум отказывается считать основы своей жизни и образа себя гнилыми. Особенно если люди любят себя за то, что они делают, и счита-

ют свое дело – главным, что определяет их приличие в собственных глазах.

– Келлфер говорил о том же, – озвучила Ула мою мысль.

– Келлфер разбирается в нюансах человеческих душ лучше, чем все мы. И лучше, чем Теа. Но он не станет стараться заполучить каждого наставника и тем более ученика. Людям его масштаба такие мелочи не слишком интересны.

Мне вспомнилось, как Келлфер вытащил меня. Как говорил со мной, как создал иллюзию, как обнимал после... Как он старался меня заполучить, если пользоваться терминологией Циона.

Я не была «каждым»?

– Зачем же вы позвали именно его?

– Предположил, что ему будет не плевать. Большинству тех, кто мог бы как-то сковать Теа, наплевать на Империю и даже сам Альвиар, а те, кому не наплевать – слишком слабы. Я думал оповестить Роберта, но не был уверен, не в сговоре ли он с Теа. Если я бы ошибся, это означало бы для меня смерть.

Роберт был еще одним директором Приюта Тайного знания, героем последней войны – как и Теа! – и, говорили, очень добрым человеком.

– Директор Роберт не стал бы всех убивать, – тихо сказала Ула. За стол она все еще не садилась. – Келлфер же уничтожит всех. Он же убьет и Теа.

– Теа как раз в безопасности, – усмехнулся Цион. – По

крайней мере, пока. Келлфер любит порядок, и я предполагаю, хаос на континенте, который начнется со смертью половины именитых семей, его не прельщает.

Ула вдруг резко обернулась. Губы ее дрожали.

– Какие были клятвы? – проговорила она медленно.

– И такие тоже.

– Свет... – закрыла она ладонью рот.

И как подкошенная рухнула на стул. Цион придержал ее за предплечье. Я успела заметить, как Ула вздрогнула от его прикосновения.

– Вы сказали, что разочарованы в идеалистичности Теа, – повторила я. – Что же это за идеалы?

– Она строит лучший мир, – ответил Цион. – Как и вы.

– Зачем вы это говорите? – вдруг возмущенно набросилась на него Ула. – Зачем?!

– Келлфер попросил меня быть честным с Ларианой.

Я только смогла кивнуть:

– Спасибо. Теперь я понимаю еще меньше. Последние двенадцать лет я знала, зачем живу. Вчера я нашла новые, уничтожившие меня ответы. И сейчас вы говорите, что и то, и то – неверно. Что Теа строит лучший мир ради благой цели, что она при этом пользуется ужасными методами, что мы по ее приказу творим добро, но что она сделала нас рабами культа... – Мой голос звенел. – Это...

– Мир никогда не был черно-белым, Лариана, – невозмутимо пожал плечами Цион. Он кивнул в сторону входа

на плавучую платформу, где давала указания хозяйке «Дома светлячков» опоздавшая Иловирис: – Возьмем хотя бы Иловирис. Она старается вытащить наставников из Обители куда сильнее, чем вы, хоть и куда менее мнит себя спасителем.

Упрек, который содержался в этой простой фразе, обрезал меня, как бритвой. Мне захотелось тут же оправдаться: мол, я пока еще в шоке, поэтому и не успела сделать ничего, но я посмотрела на склонившую голову Улу и прикусила язык.

14. ИЛОВИРИС

Иловирис и не пыталась быть тихой. Ее всегда окружал шум – и звуковой, и световой. Переливы дорогих ярко-багряных юбок, блеск серебра и золота, театральные жесты, высокий, чуть визгливый голос. Когда я смотрела на нее, мне казалось, что она как-то изменила свою внешность: губы были чересчур красными, локоны – смоляными, кожа – мраморно-белой. Невероятная красавица, заполнявшая собой пространство.

Другие наставники быстро уставали от Иловирис. Ее было слишком много, она питалась вниманием, с неизменной страстью разглядывая себя глазами других. Ей сложно было не восхищаться – и так же сложно симпатизировать, как по мне.

Даже стезя, которую она выбрала – путь иллюзиониста – отличалась от большинства. Шепчущие боялись сунуться в эту тему, полагая, что необходим очень выраженный талант и очень высокий уровень силы. Но у Иловирис получалось.

«Теа не берет слабых», – твердила я себе теперь.

– Раз уж блаженная Лариана теперь с нами, – надменно протянула красавица. – У нас есть шансы вытащить совсем новичков, так ведь? Неплохо, это действительно неплохо. Проверишь их.

– Пожалуйста, прекрати называть меня блаженной, – остановилась посреди улицы я. Спорить с Иловирис было непросто, но и терпеть подобного отношения я не хотела. В конце концов, вся иерархия Обители, в которой я раньше состояла, разрушилась, как только я бежала прочь. – Есть, в чем меня упрекнуть – говори прямо.

– О, я не хотела тебя обижать, – оскалилась Иловирис. – Просто ты всегда была столь увлечена служением. И помнишь, как с пеной у рта отстаивала, что никто не захочет в Приют?

– Я и сейчас не уверена ни в чем, – твердо ответила я, встречаясь взором с колючими черными глазами. – Кроме того, что хочу вытащить всех, кого смогу, чтобы Келлфер не убил их.

– Директор тебе не сказал, – ослепительно улыбнулась Иловирис. – Он уберет всех, кто дал Теа клятвы в ее экспериментальном трансе. Ты ведь тоже давала. Странно, что ты здесь.

– Я никогда ни в чем не клялась Теа.

– А, ну да, – издевательски протянула шепчущая. – Ты же не помнишь. На всех транс работает по-разному. Но давай так: если ты окажешься с ножом, приставленным к горлу нашей матери-благодетельницы, у тебя рука не поднимется ее прирезать.

– Разумеется, – внезапно вступилась за меня Ула. – Как и у меня. Разве это о чем-то говорит?

– О том, что вы или поклялись Теа, что не причините ей вреда, или что вы слабачки. Ты, Ула, явно можешь Теа хотя бы возражать, раз на собрании выступила за Приют. А насчет блаженной я не уверена.

– Ты слишком резка, Иловирис, – охладил пыл женщины Цион. – Выбирай выражения.

– Хорошо. Тебе приходилось хотя бы не соглашаться с Теа? – обратилась она ко мне.

Несмотря на издевательский тон, врать я не захотела. Слишком высоки были ставки – и слишком страшно всех подвести. Если Иловирис говорила правду... Свет, я и думать не хотела, что это означало.

– Кажется, нет. Но когда Теа думала, что я обвиняю ее, она не удивилась, – медленно ответила я. – Значит, я не давала такой клятвы?

– Или она решила, что не сработало, – кивнул Цион. – Теа пробовала разные подходы. Считается, что если человек не помнит своей клятвы, она не действует. Развиваясь как знаток разума, Теа преодолела эту грань. Однако действует не на всех и не одинаково. Мы не знаем, как ты поведешь себя, когда столкнешься с Теа напрямую.

– Вы участвовали и в этом? – прошептала Ула, и я вдруг поняла, что ей по-настоящему больно.

– Скорее, был в курсе. Это не сфера моих интересов.

– Цион, не пытайтесь объяснять, – кокетливо пропела Иловирис. – Добренькие девочки не поймут.

– Иловирис, или ты прекратишь их унижать, или я заставлю тебя замолчать, – оборвал ее Цион. – Лариана, Келлфер действительно не рассказал тебе о том, почему ждет неделю?

– Я думала, чтобы увидеть, кто может учиться в Приюте, – неуверенно ответила я, чувствуя себя полной дурой. Все здесь знали больше, чем я, и информации было так много, что я не успевала осознать ее. Клятвы, трансы, проверки. Голова шла кругом.

– Все, кого Теа забирала, очень сильны и могут учиться, – терпеливо пояснил Цион. – Однако клятвы Теа делают их спящим оружием, которое Келлфер не станет оставлять в строю. За эту неделю его задача определить, кто из наставников пойдет против воли Теа, таким образом доказав, что он не в ее полной власти. То же с учениками, но с ними шансов меньше: Теа шлифует свое мастерство, так что те, кого она заставила клясться недавно, могут быть очень сильно... – Он некоторое время подбирал слово. – ... испорчены. Но так как сам ее подход нов, она учится, осечки случаются. И наша задача – помочь их найти.

– Или не помогать, – подхватила Иловирис. – Директор Келлфер и так делает нам одолжение, что возится. Поэтому чем больше мы спасем – тем больше выживут. Сдается мне, это даст нам пару очков в Приюте. Мне в этом плане цены нет, я создаю иллюзию Теа и просто смотрю, кто может не слушаться ее или даже напасть, а кто нет. Я вытащила уже шестерых. И сегодня снова вернусь в Обитель. Теа меня не

поймать, пока Келлфер дает пройти защитный периметр. А он считает меня очень полезной, – с гордостью добавила она.

– Что я могу сделать? – выступила вперед я.

15. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОБИТЕЛЬ

Я собиралась вытащить Мара и остальных. Эти ребята доверяли мне свои души, и я была уверена: они меня послушают. Собственно, только меня они и слушают сейчас, ведь привыкли, что я каждый день разделяю их горести и радости. Я точно окажусь им ближе, чем пока не знакомые наставники, и может, даже чем далекая Теа, несмотря на весь ее непререкаемый авторитет.

Келлфер, спокойно выслушавший мои сбивчивые аргументы и просьбы, на удивление не стал ничего запрещать, только усмехнулся сам себе и приказал подождать до ночи, когда он откроет путь для Иловирис. Эти слова почему-то задели меня: то, что черноземелька посещала его покои под пологом ночного мрака, я уже слышала, но после разговора с самой Иловирис надеялась, что она переоценивает собственную значимость и появляется в Обители не для того, чтобы разделить с Келлфером ложе.

Иловирис рядом с ним... ворковала. Я никогда не видела ее такой кроткой, горячей, смущающейся. Она была сама услужливость, само понимание, готовая поднести воды или облить грязью Теа, лишь бы доказать свою преданность. Келлфер относился к ее стараниям снисходительно, но обращался к ней часто. Кажется, они понимали друг друга с полуслова, и это тоже кололо меня, хотя я и понимала, что

Иловирис я не соперница и никогда ей не была.

Келлфер сформулировал это именно так: «Пройдешь сквозь периметр вместе с Иловирис».

С нами вызвался вернуться и Цион, но ему Келлфер настрого запретил появляться в Обители. Я не поняла повисших в воздухе недосказанностей, но сложилось впечатление, что Келлфер всерьез опасался, вдруг Теа сумеет поймать Циона и что-то сделать с ним. Целитель не расстроился, лишь пожал плечами – и согласился ждать наших успехов. Мне показалось, он как-то странно посмотрел на Улу, а она вся сжалась под его взглядом, будто хотела, но не давала себе заплакать. Я пообещала себе расспросить ее позднее, когда каждое наше слово не ловят несколько пар ушей.

Мы были похожи на разведчиков с тайной миссией. Под чужими именами прятались в неприметном гостевом доме Ллинайны, ограждались глушащими звуки и отводящими глаза заговорами, продумывали планы, рассуждали о мотивах Теа. Говорить о наставнице у нас получалось только шепотом, мы неосознанно понижали голос, произнося ее имя, и избегали откровенных упреков, будто она могла нас слышать. Такому мороку подвергались все, кроме Циона.

Когда я обратила на это внимание, Иловирис фыркнула, словно я сморозила глупость, и громко, обращаясь к молча читавшему в кресле Келлферу, сказала, что она не овечка, чтобы бояться ругать имя пастуха. Имени пастуха, правда, так не назвала, так что пронизательный Цион только усмех-

нулся, и Иловирис сжала зубы в улыбке.

А вот Ула шепнула мне на ухо:

«Попробуй потом вслух поругать Теа. Только не при всех».

Келлфер в споры и предположения не вникал. Он сидел у занавешенного окна, далеко от стола, за которым разместились мы, и быстро пролистывал какой-то тяжелый фолиант. Между его бровями залегла складка, будто то, что он читал, беспокоило его все больше. Я залюбовалась его мужественным профилем, пропитанным силой и магией. Когда я так смотрела на него, мир сужался до сурового лица с высокими рельефными скулами и острых как пики глаз.

– Что это за книга, директор? – пропела Иловирис. – Могу я потом почитать ее?

Келлфер не ответил ей, зато поглядел на меня. И сказал:

– Это настольная книга Теа. Когда-то давно ее дал Теа мой хороший друг.

Краем глаза я заметила, как с интересом вскинулся Цион. Он, впрочем, просить не стал, в отличие от Иловирис:

– Она об иллюзиях? Я стараюсь расширить свои знания. И была бы очень, очень счастлива, если бы...

– Нет, – просто оборвал ее Келлфер, не оставляя сомнений: он ответил на оба вопроса.

Иловирис с улыбкой кивнула и, маскируя улыбкой тоску в глазах, грациозно пожала плечами, обращаясь почему-то ко мне:

– Значит, спрошу позже, – с нажимом сказала она. – У меня к тебе... просьба. – Шепчущая произнесла последнее слово так, чтобы я поняла: это настоящий приказ, и если я откажусь, то она меня в порошок сотрет. – Когда мы переместимся в покои директора, сразу иди по своим делам. Ты же все понимаешь?

Как у нее рот не болел так широко улыбаться?

– Задерживаться не собираюсь, – хмуро ответила я, думая, что у меня слишком много дел, чтобы тратить драгоценное время на наблюдение за их уединением.

– Ты и так лишняя, – сказала она с еще большим давлением. – Он просто дает тебе поиграть в спасение.

– Верно, – раздался от окна негромкий низкий голос. – Как и тебе. Так не заигрывайся, Иловирис.

– Конечно, – поспешно ответила та.

Мне чудилось, что Келлфер оценивает нас, и я часто ловила себя на мысли, что же он может подумать. Спиной я почти все время ощущала его тяжелый взор. Казалось, темный маг разглядывает меня, прикидывая, стою ли я усилий, и его внимание хоть и льстило, но заставляло волосы шевелиться на шее.

А может, мне казалось? Ведь почти постоянно рядом со мной сидела Иловирис – в роскошном платье цвета запекшейся крови, грациозно сложив изящные кисти поверх тонкой, зажатой корсетом талии, сверкая серебром уходящей в ложбинку декольте цепочки, источая аромат роз и жасмина.

Я в своем простеньком льняном сарафане рядом с ней, похожей на легендарную черную розу – бывшую леди Черных земель, Юорию Карион, – казалась дворняжкой.

Иловирис то и дело бросала на Келлфера быстрые взгляды, но обращаться больше не решалась, пока он, захлопнув книгу, не встал из удобного кресла и не позвал нас.

Проникать в Обитель ночью, словно мы – воры или грабители, оказалось и унинительно, и волнительно, и как-то слишком просто. Келлфер открыл портал мановением руки – даже не шептал заговора, не использовал порталного окна! – и мы друг за другом шагнули вперед, в зыбь магического проема.

Туфли тут же утонули в длинноворсном ковре – мы были в роскошном доме. Я оглянулась, не понимая: так не мог выглядеть Зеленый Дол. Не могло там быть ни громадных люстр с хрустальной россыпью кристаллов на цепочках, ни словно высеченных из камня больших картин, ни мебели из красного дерева, ни таких пышных шерстяных ковров. Иловирис хмыкнула, отметив мое замешательство:

– Для безродной слишком роскошно? Это мое поместье, «Ночной бутон».

– И у меня нет фамилии, Иловирис, – заметил Келлфер походя, и женщина вся сжалась, мне даже стало ее немного жаль.

– Простите, – промямлила она.

– Название... – Я хотела сказать «дурацкое» или «пош-
лое», но вместо этого признала: – Подходит этому месту.

– Догадываешься, почему мы проходим сквозь него? – уже
куда менее вызывающе спросила Иловирис.

– Чтобы переместиться отсюда. Вы думаете, что в Оби-
тели отслеживают порталы. – Я бросила быстрый взгляд на
Келлфера. Он улыбался самым уголком губ, будто думая о
своем. Интересно, Иловирис сама предложила свое поме-
стье, чтобы выслужиться? Мне хотелось как-то уколоть ее,
и я вескоо сказала: – Что, скорее всего, перестраховка. Во-
обще-то Теа не раз говорила, что нам не нужны подобные
меры безопасности, потому что у Обители нет врагов, и она
рада всем.

Иловирис закатила глаза.

– Теа знает, кто, когда и откуда перемещается в ее владе-
ния, – даже не возразил, а поставил меня в известность Келл-
фер. – И где кто находится в Зеленом доле, она знает тоже.
За очень небольшим исключением. Ты права в другом, Ла-
риана. Теа не удивится, что Иловирис перемещается ко мне
из своего поместья.

– Она ведь запретила Иловирис появляться в Обители?
– все же уточнила я, разглядывая мерцающее в полумраке
зеркало в кованой черной раме.

– Для Иловирис Теа делает исключение, так как уверена,
что у нас с ней роман – и боится перечить мне в такой ма-
лости.

«Роман».

Я ни за что не смогла бы уточнить, правда ли это. Ни за что!

Но когда посмотрела на гордо смахнувшую прядь со лба черноволосую красавицу, поняла, что Теа не поверила бы в полный фарс, даже если бы в нем был замешан Келлфер. А значит, они и правда...

«Не мое дело», – оборвала я неуместные мысли, задерживая дыхание перед тем, как пройти следующий проем.

16. ОНА УПРАВЛЯЕТ НАМИ

– Келлфер, ты вновь не один.

Негромкий голос Теа окатил меня холодом. Я молча застыла на месте, боясь произнести хотя бы слово, только смотрела, как Иловирис, ухмыляясь, присела в реверансе. И хоть она пыталась скрыть страх, я видела, как крепко ее тонкие пальцы сжали парчу верхней юбки, и как дрожала от напряжения спина.

Наставница выглядела грустной и измотанной. На лице ее морщинами отпечаталась мука, но уверенный разворот плеч, спокойное и доброжелательное выражение лица, как всегда лишенное вычурности простое платье и понимающий взгляд сильного и мудрого целителя загипнотизировали меня. Теа была похожа на уставшее от мирской суеты и грязи божество. По сравнению с ней замотанная в дорогие тряпки и увешанная украшениями холеная Иловирис смотрелась шутихой на фоне вулкана.

Мне казалось, если Теа сейчас обратится ко мне, даже посмотрит на меня с молчаливым, добрым укором – я на месте умру от стыда. Вдруг все мотивы, которыми я руководствовалась до этого мига, показались мне глупыми, несправедливыми и недостойными, грязными, предательскими. Чувство было столь сильным, что я задрожала, а когда все-таки разомкнула сухие губы, чтобы прошептать ничего не ис-

правляющие извинения, вдруг поняла, что Келлфер закрывает мне рукой рот, как пленнице. Я дернулась, в каком-то помутнении пытаюсь укусить его за ладонь, мазнула языком по прохладной, чуть солоноватой коже... А он только сжал меня сильнее.

«*Прекрати*, – его голос у меня в голове оказался спокойным, но вместе с тем словно прокалывал пузырь гипноза, во власти которого я билась, словно рыба в садке. – *Не смотри на нее. Смотри на меня или Иловирис*».

Я хотела уточнить, что он имеет в виду: как можно смотреть на того, кто стоит за твоей спиной и крепко держит тебя так, что ты и двинуться не можешь, не то что повернуть головы. Но тут же поняла. Как себя когда-то, теперь я наблюдала шепчущего со стороны: вот он медленно обошел вздрогнувшую Иловирис и остановился у кровати с высокими резными столбиками, небрежно положил расслабленную кисть на обтянутое телячьей кожей изголовье. Лицо копии Келлфера выражало скуку, неудовольствие – никогда не представляла на нем подобного выражения.

Иловирис то ли не поняла, что произошло, то ли решила воспользоваться моментом, то ли просто повела себя привычно. Она прижалась к иллюзорному Келлферу, грудью к локтю, обвила предплечье своими изящными руками. Чуть порозовевшие щеки ее светились, когда она с ложной скромностью улыбнулась наставнице:

– Простите, наставница Теа, я не собиралась нарушать ва-

ши правила. Но директор Келлфер снова пригласил меня, а его указания более весомы.

– Оставались бы в поместье Амори, – как-то тускло заметила Теа, приглядываясь к иллюзорному Келлферу. – Зачем вы здесь вопреки моему приказу?

– Звучит так, словно ты пытаешься приказать и мне, Теа.

– Ты хотя бы здесь? – блеснула наставница глазами, и вдруг я поняла, кожей ощутила, что она в бешенстве, но ничего не может сделать с тем, что – кто! – злит ее, и оттого ярость лишь сильнее.

– Конечно, – ответил иллюзорный Келлфер, а настоящий чуть усилил давление на мои губы, так что я схватилась за его пальцы, замотала головой, показывая, что все поняла.

Безумная мысль, что стоящий сзади мужчина реален для меня, а созданная им иллюзия реальна для Иловирис, и вообще-то, я не знаю, не удерживает ли меня морок, опутала мой разум, отвлекая внимание от наставницы. Я обернулась – и столкнулась с шепчущим взглядом. Келлфер улыбался самым уголком губ, его зеленые глаза блестели силой и жаром, так что я отступила, выворачиваясь из крепких объятий. Мужчина отпустил меня легко, однако протянул руку и коснулся моего виска. Я думала, он уберет мне волосы за ухо, и застыла, ожидая ласки, но вместо того в моем разуме зазвучала мысленная речь.

«Я с тобой, – будто ответил он на мои опасения, но почему-то эти слова прозвучали двусмысленно. – Теа нас не ви-

дит».

«А Иловирис? – Как бы я ни пыталась контролировать свою мысленную речь, это было намного сложнее, чем управляться с обычной, и хотя у меня получалось лучше многих, интенсивные мысли все же воплощались в слова. – Она видит?»

Келлфер не ответил. Я инстинктивно коснулась его лица, иницируя новый контакт, ведь если созданный им не был нарушен, разве мог он ничего не ответить? Кончики моих пальцев скользнули по корням растущих на виске мягких волос, и вдруг Келлфер поймал мою руку, будто предупреждая. Что-то мелькнуло в темно-травяной глубине его глаз, словно искрящаяся тень пронеслась, и меня снова обдало жаром.

Он так и застыл, не отпуская моих холодных пальцев, смотря мне в глаза, будто и не было за моей спиной ни Теа, ни Иловирис. Мне показалось, Келлфер хочет что-то сказать, но он молчал, разглядывая мое лицо в упор. Зрачки его были такими широкими, что изумрудная полоса радужки превратилась в тонкий ободок, а сами глаза казались громадными и почти черными. Тонкие жесткие губы приоткрылись вдохом.

Непреодолимая сила влекла меня к нему, и я на миг уверилась, что притяжение взаимно. Дыхание стало общим, воздух теплел между нами, как если бы мы касались друг друга. Мой долгий шумный выдох звучал почти сладострастно, и уголок его рта тоже чуть дрогнул.

И в этот миг я услышала влажный звук поцелуя, прозвучавший для меня громче грохота сходящей лавины.

Оборачиваясь, я пошатнулась, и Келлфер не поддержал меня.

Они целовались.

Иловирис приникла к иллюзорному Келлферу, встав на цыпочки – мужчина был выше ее почти на голову, – и обхватив шею изящными белыми руками. Ее светлая кожа, рассеченная его темно-каштановыми прядями, казалась совсем бледной, а сама она на фоне его сильной и крупной фигуры – хрупкой и ранимой. Ладонь мужчины собственнически придерживала девушку за талию, и если бы не это, Иловирис могла бы и упасть, словно ее ноги не держали. Алое платье кляксой уродовало темно-серый камзол.

Оторвавшись от губ Келлфера, Иловирис трепетно, неверяще заглянула в его глаза снизу вверх, а потом опустилась на кровать у его ног, будто в комнате не было Теа и не было меня. Иловирис почти плакала.

А я ощутила себя поруганной, словно меня обокрали. Сжала зубы, проглотила это мерзкое чувство, а после спрятала лицо в ладонях, чтобы Келлфер не увидел, как меня задело происходящее. Сделала вид, что просто устала и не хочу видеть Теа, как он и сказал.

И тут же Келлфер снова оказался за моей спиной.

«Я здесь», – напомнил он, удерживая меня за плечи.

– Иловирис, – разорвала напряженную тишину Теа. – Помогая Келлферу, ты совершаешь ошибку. Он использует тебя. Я знаю, ты веришь в иное. Но пожалеешь об этом. Когда это случится и твоя неуместная детская влюбленность разобьет твое сердце вдребезги, я приму тебя обратно, обещаю. Моя дорогая глупая Иловирис.

– Мы любим друг друга, – отчаянно возразила та, не глядя на мужчину. Даже мне было ясно: она сама не верит в то, что говорит. – Мне больше не нужна ваша защита.

– Когда она понадобится, приходи, – повторила Теа терпеливо. – Келлфер, – обратилась она к мороку. – Не надо уничтожать Иловирис. Отпусти ее ко мне, когда для тебя все закончится. Мы оба знаем, что это случится совсем скоро, раз твой маяк сработал.

– Он сработал на меня, – тихо проговорила Иловирис, и я остекленела, не веря в услышанное. – На меня, – повторила она еще тише.

– Разумеется, – отозвался Келлфер.

– Фарс. – Теа медленно покачала головой. Затем бросила на обнявшуюся пару еще один быстрый, полный беспомощности взгляд, в три больших шага преодолела расстояние до кровати, схватила Иловирис за руку и бесцеремонно ткнула кончиками пальцев куда-то иллюзорному Келлферу в солнечное сплетение. – Смотри, девочка, его здесь даже нет, – с отчаянием, словно боролась за душу Иловирис, проговорила Теа. – Ему противно касаться тебя. Это иллюзия.

– Думаете, можете меня обмануть? – взвилась Иловирис.
– Я иллюзионист!

– Глупышка, – сокрушенно отступила Теа. – Ты так пожалеешь, бедная... Келлфер – воплощенная тьма, использует и выбросит тебя, как мусор.

Я не дышала. Отчего-то казалось, что наставница обращается ко мне.

– Теа, убирайся из моих покоев, – не повышая голоса, сказал иллюзорный Келлфер. Его и так острые черты оттеняла холодная ярость.

– Я не слушаю приказов морока, – усмехнулась Теа. – Покажись.

Вместо того чтобы развеять обман, Келлфер, все еще удерживающий меня за плечи, протянул вперед руку – и Теа рухнула вниз, словно у шарнирной куклы разом выдернули все опоры. Взметнулись почти седые косы, разрезало воздух платье. Наставница осела беззвучно, даже в лице не поменялась, только схватилась крепкими пальцами за деревянный пол, словно пытаясь забраться по нему, как ящерица.

Я дернулась помочь ей, не помня себя от бешенства. Но прежде, чем я начала лупить по удерживающей меня сильной руке или шептать заговоры, меня обволокло плотное, тугое полотно удерживающего кокона. Волокна заклинания сомкнули мои губы, и как бы я ни старалась, не могла издать ничего, кроме бессмысленного мычания.

«Смотри, – услышала я жесткий голос. – *Иловирис почти*

ненавидит Теа, верно?»

А Иловирис тем временем поднимала наставницу с пола. По красивому лицу черноземельки лились слезы, а в глазах застыло ошарашенное выражение брошенного на морозе ребенка. Она отряхивала Теа, бессвязно шепча извинения. По полу покатались два кольца с крупными камнями, а Иловирис и внимания не обратила.

«Я не причинил Теа серьезного вреда, лишь поставил на место, – добавил Келлфер, и внутри меня как разжалась пружина. *– Я не хочу убивать ее».*

Эти слова что-то поменяли. Саван спал, давая двигаться и дышать. Рассудок возвращался ко мне, а с ним – холодный ужас понимания происходящего. В таком состоянии, в каком я только что была, я бы набросилась не то что на мага, который мог бы меня через колено переломить, но и на собственную мать.

И Иловирис. Она думала, Теа плохо...

Наставница отбросила руки Иловирис, оправила прическу, снова убрав косы под воротник, и угрюмо, не говоря более ни слова, покинула покои. Хлопнула дверь – и немедленно загорелась синевой защитного контура.

Иловирис опустошенно села на кровать. Горло ее подрагивало от сдерживаемых рыданий. Вместо того чтобы заплакать, женщина подняла лицо, сузила глаза, оскалилась в сардонической улыбке и выплюнула:

– Ненавижу.

– Она управляет нами, – прошептала я, делая несколько шагов вперед, и Келлфер не стал останавливать меня. – Всеми нами, даже тобой. Такого не может быть. Это нужно остановить. Это же... свобода воли, Теа всегда говорила, что мы – это наша свобода воли. И отобрала нас у нас самих вот так просто?

– Рад, что ты поняла, – ответил мне Келлфер. Он подошел к своей копии и словно влился в нее, иллюзия растаяла вокруг его тела, как тает бумага в огне.

– Такое вот дело света, – развела руками, похоже, даже не заметившая манипуляции Келлфера Иловирис. Сейчас в ее взоре, обращенном на меня, не было презрения и ненависти. Наверно, она впервые увидела во мне союзника.

– Не приплетай сюда ни свет, ни тьму, – оборвал ее Келлфер. – Теа – ни то и ни другое.

– А что же? – вырвалось у меня.

– Я исследую механизмы изменения, – вдруг туманно ответил Келлфер. – Обитель отвергнутых – потрясающий по своей сложности испытательный полигон, и до того, как я испепелю его, есть смысл сохранить каждую крупицу уникального знания. Я бы объяснил тебе больше, Лариана, но ты пока не поймешь меня.

– Почему ей? – выступила вперед уже забывшая чувство общности со мной Иловирис. – Я куда опытнее. Это я помогаю вам собирать сведения!

– Вот и не отвлекайся, – отмахнулся Келлфер. – На тебе

сегодня пятый год.

Вот, значит, почему Иловирис так старается. Никакой заботой об учениках и не пахнет. Это меня не удивило – я и так искала второе дно в ее благородстве, – но вот слова Келлфера неприятно ужалили. Такое детское желание верить, что тот, кто вырывает тебя из лап злодея – хороший. Поэтому так неприятно?

«Надежда и желание довериться – вот врата в любую душу, Лариана. Если человеку некому довериться, в сердце у него образуется дыра. Заполни ее собой, девочка моя, для их же блага. Ты принесешь им, отверженным и измотанным страданиями, свет. Но если оставить человека пустым, он найдет, чем заполнить эту пустоту, и тогда в ней вполне может оказаться тьма».

Теперь наставления Теа звучали совсем, совсем иначе. Все обретало новый, пугающий смысл, словно поменялось освещение – и красота оказалась уродством.

Но хуже было другое: я снова попалась на ту же удочку, глупая Лариана. Много лет назад Теа подобрала меня, когда я думала, будто весь мир хочет меня уничтожить, и не могла поверить, что кто-то оказался на моей стороне. Теа заполнила собой пустоту, изменила меня, научила помогать другим – от всей души, но и теми же методами, что использовала она сама.

Культ. Так называли это Келлфер и Цион. Мы все были частью этого, мы доверяли только друг другу.

А теперь, когда Обитель захотела моего исчезновения, меня так же подобрал Келлфер. Он почти заполнил собой дыру в моей душе, несмотря на то, что я с самого начала ясно видела его пугающую суть. Очарование сильного шепчущего, умело подобранные аргументы, правильно расставленные акценты, невероятное влечение к нему, словно он самый близкий во всем мире человек – все эти завораживающие элементы обмана. Точно как с Теа, только вместо одухотворенности – невысказанное романтическое обещание.

Иловирис вот попалась. Он и в ее случае использовал маюк? А сильно ли мы с ней отличались друг от друга?

Келлфер понимает души людей даже лучше, чем Теа, и конечно чем все мы, так сказал Цион.

«Нет, – решила я для себя. – Я не дам темному магу сделать это со мной. Он вытащил меня не безвозмездно. Не позволю себе довериться ему, как Теа когда-то. Он даже не скрывает своей тьмы».

– Ты что, в облаках летаешь, блаженная? – вполголоса окликнула меня Иловирис. Потом она подошла совсем близко, так что меня окутал запах ее тяжелых духов, и понизила голос почти до шепота: – Не помнишь, как мы договорились? Иди уже.

– Ты же слышала Теа, – взгляделась я в утонченно-капризное лицо.

– Она ничего не знает, – улыбнулась красавица.

Келлфер терпеливо ждал нас. Я выглянула из-за плеча

Иловирис: он стоял у стола, скрестив руки, и смотрел на меня в упор. От взгляда зеленых глаз словно молнии текли по телу, но теперь я твердо вознамерилась относиться к этому иначе.

Подавив в себе желание прямо сейчас поставить Иловирис голову на место и рассказать, что ее идеальный мужчина говорил мне и как я ему почти поверила, я напредила себе, что сейчас в этом штормящем море у меня есть вполне понятная цель – и если я брошу вызов сильнейшему темному магу, то ее не достигну. Для Мара, Эльки, Джаисы я была, наверно, последним шансом выбраться из Обители живыми.

– Уже ухожу, – смиренно кивнула я Иловирис.

У той сразу заблестели глаза от предвкушения, и мне стало стыдно. Поэтому я сделала глупость: протянула руку к ее виску, словно поправляла локон, и собрала все силы, чтобы обратиться мысленно.

«Маяк сработал и на меня тоже».

Ее миндалевидные черные глаза на миг стали почти круглыми – неверие, осознание, ярость мелькнули в них. Но Иловирис нервно облизнула полные губы и сделала вид, что все в порядке.

И я понимала ее.

17. ДРУЗЬЯ. СОСУДЫ

Сфера исцеления не пропустила меня.

Стараясь не привлекать внимания, я обошла ее по кругу, пытаюсь понять, что же делать. Но не только вход не открылся, когда я прикоснулась к руне, но даже плетение не окрасилось лиловым – словно меня и вовсе не существовало.

Вот так. Меня не просто вычеркнули – я стала никем.

Келлфер сказал мне, что меня никто не сможет обнаружить. Я верила, что он закрыл меня завесой, но все же шуметь не рисковала. Да и сумей я каким-то чудом докричаться до спящих внутри, они приняли бы меня за сон – я помнила, как под гул сферы звуки снаружи искажались, окрашиваясь мерным жужжанием заговоров, расплываясь, становясь похожими на крики запертых в клетке животных. Даже Маррал не вышел бы посмотреть, кто бьется снаружи – зато сбежались бы все наставники, чьи окна выходили на сад.

А время стремительно таяло. Из полутора часов, отведенных Келлфером мне и Иловирис, осталось не больше часа, пока я, как полоумная, проверяла все заклинания-ключи, что ограждали сферы с тех пор, как я приглядывала за ними. Ни один не подходил, что было странно: раньше Теа утверждала, будто чтобы разорвать уникальную связь помощников со сферами, нужно не меньше трех дней.

Моя уникальная роль. Как же.

Убедившись, что и об этом всей правды мне никогда не говорили, я юркнула за голубыми елями по узкой тропинке к черному входу корпуса наставников, по-прежнему стараясь быть незаметной и тихой как мышка. Когда дверь, которую никто не запирает уже лет двадцать, не поддавалась с первого раза, мое сердце пропустило несколько ударов, и я ощутила себя такой беспомощной, что где-то под ложечкой засосало.

И даже когда ручка все-таки провернулась, скрипя металлом по металлу, мне было страшно, что простенькая защита взвояет, стоит мне лишь переступить порог. Унимая тяжелое дыхание, я приготовилась бежать, решив, что если кто-то выйдет, скроюсь прямо на виду: под ветвями большой липы, растущей у самого входа. Я уже делала так: простой заговор отвода глаз работал, ведь никто не ищет перед своим носом.

Но мое проникновение внутрь тишины не нарушило. Все мои друзья спали, не ведая никакой опасности, а периметр все еще принимал меня за свою. Я неуверенно прошла по глушащей мои шаги ковровой дорожке, а когда оказалась у лестницы, не покрытой тканью, сбросила туфли, чтобы не стучать каблуками по дереву, и побежала дальше босиком, ощущая стопами мелкий острый песок.

Удивительно, но ступени совсем не скрипели, хотя я точно помнила, что раньше половицы стонали под нагрузкой. Их починили именно сейчас? Или мне удалось каким-то чудом не наступить на них?

На втором этаже я замерла, оглядываясь. Высокое торце-

вое окно, выходящее в ночной сад, мерцало в темноте отдаленным светом восстанавливающей сферы. Глаза совсем привыкли к мраку, так что я могла видеть тонкие нити сигнальных заклинаний на ручках дверей и у порогов, едва заметные в дрожании воздуха плетения тишины и даже темные пятнышки на дубовом паркете, оставленные Теа на память о том, как новичок случайно чуть не спалил все крыло, заигравшись с искрами без присмотра наставника.

Скрип потревоженной ветром ставни на миг выбил из меня дух. Сердце колотилось где-то в горле, пока я, как грабитель, на цыпочках кралась по такому родному коридору к комнате Эльки. У самой двери я замерла, не решаясь.

«Она – моя подруга. Она примет меня, несмотря ни на что. Уж точно скажет, кто сейчас вместо меня открывает сферу, когда я ей все объясню».

С этими мыслями я тихо постучала. Мне никто не ответил. Оглядываясь, я постучала громче – три раза, как обычно делала, – и стала прислушиваться. В комнате раздалось шепуршение, но двери так никто и не открыл. На меня накатило полутрансовое состояние, как случалось, когда я была сильно взволнована или измотана. Ощущая это давление в ушах, вглядываясь в почти незаметное искажение света перед глазами, слыша звук живых субстанций, я обычно бросалась в сад – и травы успокаивали меня. Но сейчас решила переждать, прислонившись к косяку и правильно дыша, задерживаясь на выдохе и вдохе.

За дверью находилось три человека. Я была уверена. Их сердца гнали по жилам кровь, тела испускали тончайшую вибрацию, куда более сильную, чем травы или деревья.

Ошарашенная, я вскинулась – и вибрация пропала.

– *Сааахиасааха*, – прошептала я, снимая с двери Эльки полог тишины, которым она глушила звуки, когда ложилась спать.

– Это она, – тут же раздался изнутри мужской голос. – Готовы?

И я бросилась бежать. Это было звериным чутьем и звериным же порывом – единственно возможным, еще до того, как я что-то успела осознать.

Дверь за мной распахнулась. Не оглядываясь, я неслась по коридору под выкрики заговоров, плодя за собой невидимые и нестойкие, но сдерживающие простые силки воздушные стены. Заклятия прорезали мою защиту как масло, но в меня почему-то не попадали: только слышала свист рядом, замечала вспышки, как зажигались и гасли сполохи.

«Они меня не видят», – твердила я как мантру, пока сгенерированный Асвартом огненный пласт не прижал меня к полу сверху.

Так я и застыла, как комар в янтаре, с одной ногой на лестнице, а второй вывернутой в движении. Горячий липкий воздух облепил меня, и когда это произошло, начал, пульсируя, окрашиваться цветом, всем показывая, где я.

Больно почему-то не было, только жарко, как в дымящей-

ся ванне. Я рвалась, но шансов покинуть западню у меня было не больше, чем у насекомого покинуть вязкую смолу. Даже головы повернуть не могла, чтобы посмотреть, кто за мной идет, только ждала, беспомощная, не имея возможности даже вдохнуть.

– Поймали, – хмыкнул за моей спиной Асварт.

– Отлично, – отозвалась, кажется, Джаиса: кокон глушил высокие звуки, и женский голос было сложно узнать. – Научи меня потом этому, ладно?

Возня за спиной. Кто-то обошел меня и встал передо мной, на ступеньку ниже. Сквозь плотную цветную пелену я могла различить лишь силуэт – и копну выющихся волос, до боли знакомых.

Элька. Меня ловила и Элька тоже.

– Давайте просто позовем Теа, – предложил Асварт.

– Давай ее сначала к нам, – ответила Джаиса. – Не хватало еще, чтобы кто-то вышел и увидел, что она посмела нарушить приказ наставницы. И так паника везде после того, как Томаш кричал ученикам об опасности.

Краем сознания я отметила, что Томаш, славный парень и один из самых добродушных людей, кого я знала, все же взбунтовался – и ощутила радость. Хоть кто-то!

– Убери с лица, с носа хотя бы, – ударил меня, как кинжал, голос Эльки. Даже искаженным я не могла не узнать его. – Задохнется.

Я попыталась ответить, но губы слиплись. Странно, при-

шло мне в голову, почему я правда не ощущаю недостатка воздуха? Ведь должна же уже быть без сознания...

Поэтому когда плотное облако, обвившее мое лицо, начало таять, я сделала вид, что в обмороке: закрыла глаза, ослабила рот и лоб и дышала тихонько, как мышка. Понятия не имею, чем это могло мне помочь. Может, я хотела узнать что-то, но скорее, не могла найти в себе силы взглянуть в лицо подруге – ведь тогда происходящее стало бы совсем реальным.

– Передержал, – вздохнула Элька. Я пыталась найти в ее голосе сочувствие или страх за мою жизнь, но не могла. От этого холодели руки и болело сердце. – Уноси.

Послушной тряпочкой я обвисла на сильных руках Асварта, когда он легко поднял меня, чтобы спустя несколько мгновений ударить спиной о жесткое сиденье кресла в своей комнате.

Поток опалившей мое лицо ледяной воды заставил меня вздрогнуть и поморщиться, так что играть дальше я не могла: разлепила ресницы и сделала глубокий вдох.

– Привет, – присела передо мной Элька. Ее широко посаженные серо-зеленые глаза светились дружелюбием, как и обычно, на губах играла улыбка. – Лариана, ты как?

За моей спиной Асварт шептал ограждающие заговоры. По отдельным слогам тайного языка я понимала, что это именно защита помещения, но сами формулы слышала впервые. Меня напугало, что он накладывает их слой за слоем,

почти на максимуме возможностей, словно скрывая нас от мира, чтобы даже Теа не прошла. Глушащие, сигнальные, ограждающие, ослепляющие, маскирующие, ловушки...

Я пошевелила руками: их приковали к креслу воздухом.

Даже освободись я, соревноваться в быстроте и знании тайного языка с Элькой, Джаисой и тем более Асвартом было невозможно глупо. Стараясь не поддаваться панике, я спросила:

– Что вы делаете?

– Освобождаем тебя от тьмы, – ответила вместо Эльки Джаиса. Она нервно взъерошила свои короткие волосы. – Тебя же Келлфер послал? Как Иловирис?

– Я сама пришла, – ответила я, не понимая, друзья они мне или враги, но стараясь не забыть, что могла задохнуться в тисках Асварта, если бы не неведомая удача, которую я отнесла на счет своего лекарского таланта. – К Эльке, моей подруге. Которая меня привязала к стулу. – Мой голос дрогнул.

– Теа запретила тебе появляться здесь, – не отреагировала на обвинение и не стала объясняться Элька. – Ты могла пройти только с Келлфером.

– Да, – не соврала я. – Но пришла к тебе. Надеюсь на твою поддержку.

Элька вопросительно посмотрела на Джаису, та покачала головой. Я не понимала, что происходит.

– Сначала давай ее допросим, – предложила Элька. – Потом к Теа.

– Допросим? – выдохнула я. – Ты о чем? Просто спроси обо всем, что хочешь знать! Зачем это все!

– Ей нельзя верить, – устало согласился с Элькой Асварт. – Келлфер мог здорово промыть ей мозги. Но я считаю, что пусть разбирается Теа. Ей виднее, что делать с теми, кто уже не сможет стать сосудами.

– Сосудами... – тихо повторила я. – Это еще что такое?! Элька?!

Я забила в кресле, как выброшенная на берег рыба, забыв о том, что могу порвать пути заговором. Тут Асварт положил мне руку на плечо, и меня окатило холодным, как морозный воздух, спокойствием, словно кто-то попросту заковал мою панику в кусок льда. Уже протрезвевшим разумом я осознала, что заговоры такого типа – очень сложны, и Асварт, каким бы сильным шепчущим он ни был, раньше не стал бы замахиваться на подобное. Или я плохо его знала?

– Она не верит в дело Света, – вздохнула Элька.

– Неправда, – неожиданно вступилась за меня Джаиса. – Лариана всегда показывала себя как лояльную Теа и Обители. Она самоотверженная и честная. Не думаю, что для нее все потеряно. Поэтому я против того, чтобы просто ставить на ней крест. Мы ведь даже не спросили ее, зачем она пришла.

– Зачем ты пришла? – как к ребенку, обратилась ко мне Элька, сейчас кажущаяся помесью человека и чего-то другого, страшного и странного. Чужая, вот какой она была.

– Ты моя подруга, – ответила я. – Я хотела посоветоваться с тобой, что делать дальше. Хотела помочь спасти учеников.

– Видишь? – улыбнулась Джайса.

– Врет она, – вздохнула Элька. – Я ее столько лет знаю... Давайте попробуем допросить. Посмотрим, какое задание ей дали. Дашь мне прочитать твою память, Лариана? Тебе же нечего скрывать.

Я вспомнила Келлфера, маяк, Улу и Циона – и отрицательно покачала головой.

– Пожалуйста, – почти торжествующе огласила Элька. Мне хотелось ее ударить, но магическое спокойствие глушило и ярость, оставляя лишь понимание, что этого человека я больше никогда не назову другом.

– Я тем более ей в разум не полезу, – настороженно ответила Джайса. – Не надо этого делать. Мы же не звери. Надо сказать Теа.

– Я сделаю, раз вы так размякли, – раздраженно вздохнула Элька. – Хотя лучше бы Асварту силы пробовать. А ты, Джайса, вызываешь все больше вопросов. Быть может, сосудом света стать ты и не способна.

– Это не так, – отвернулась Джайса. – Могу же я просто не хотеть причинять боль.

То, что она называла проникновением в разум, считалось заговором высшего порядка, очень сложным, и до этого разговора я готова была дать руку на отсечение, что ни один из наставников, если не считать Теа, не может подобного. К то-

му же Теа рассказывала, что против воли это сродни пытке – чтобы узнать то, что человек хочет скрыть, его разум нужно частично сломать. Наставница таким не занималась, боясь навредить своим подопечным, поэтому просила все рассказывать самим.

– Да вы же меня убьете, – возмутилась я, но чувства все еще оставались приглушенными. – Элька! Ты с ума сошла? Ты же слабая, не сможешь! Ради чего все это?! Хотя бы объясни! Может, я помогу вам сама!

– К сожалению, чтобы понять, можем ли мы тебе доверять, без этого не обойтись. Слушай. – Элька доверительно наклонилась ко мне, и меня затошнило от ее лицемерия. – Я за тебя. Обещаю, если ты нам не врешь и правда остаешься верной делу Света и Обители, то это будет того стоить. Ты снова приобретешь возможность, которой лишилась, уйдя с директором Приюта.

– Стать сосудом?

– Да, хотя ты и не понимаешь, что это значит. Пока не понимаешь.

– Не надо! – взмолилась я, когда моя бывшая подруга-фанатик протянула ко мне руки.

Краем глаза увидела только, как Джаиса спрятала лицо на плече у Асварта – и мир вспыхнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.